Герой империи. Война за Европу

Автор:
Юлия Михайловский

Герой империи. Война за Европу

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

Галактические войны #5

Война с Германией выиграна, Гитлер захвачен в плен, а осуществившийся заговор немецких генералов привел их страну в состав нарождающейся Империи. Успешные переговоры о Присоединении проведены не только с Германией, но и с Японией и Соединенными Штатами. Британия придерживается враждебного нейтралитета, а Красной Армии еще предстоит принять все германское наследство в Европе. При этом немало проблем готовы доставить бывшие германские сателлиты: Словакия, Венгрия и Румыния. Италия колеблется, на чью сторону ей встать, а это значит, что война в Европе за будущее всего человечества продолжается. Стуча колесами, мчатся на юг эшелоны – это советское командование перебрасывает войска на новое направление главного удара.

А в это время к Земле приближается боевой корабль воинствующего клана «Синих Огней». Какие опасности для нашей планеты и возможности для зарождающейся Империи несет этот пришелец из космических далей? Сумеет ли «Полярный лис» принудить его к капитуляции или перехват завершится акцией полного уничтожения?

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Герой империи. Война за Европу

Часть 13

21 сентября 1941 года, утро мск. Околоземная орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Собираясь на перехват «Корсара», Ватила Бе распределила наличные силы следующим образом. Один батальон штурмовой пехоты смешанного комплектования (которым командует непосредственно полковник Ивана Эри), три штурмовых шаттла и истребительная эскадрилья отправятся на задание вместе с «Полярным Лисом». Этого с гарантией хватит, чтобы одолеть любую военную силу с доимперским оснащением, обычно имеющуюся на борту не самого крупного корабля диких темных эйджел. Еще два отдельных смешанных штурмовых батальона, в том числе и тот, которым командует подполковник Ария Таним, поддержат действия РККА на европейском направлении. Ведь помимо капитулировавшей гитлеровской Германии, существуют ее бывшие сателлиты – такие как Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия и Словакия; а в общении с ними, кроме доброго слова, может понадобиться грубая вооруженная сила. С этой целью, наряду с одной бомбардировочной и двумя истребительными эскадрильями, на Земле останутся все пять транспортных шаттлов. Мало иметь батальоны штурмовой пехоты, необходимы еще средства доставки, способные выбросить их на головы непокорных властителей или же на румынский или хорватский концентрационный лагерь смерти.

Впрочем, Румыния – это, как всегда, отдельная история, и там все еще впереди. Уходящие с Украины и из Бессарабии немецкие войска оголили левый фланг продолжающей воевать румынской армии. Но диктатор Антонеску, не желающий бросать все, что нажито непосильным трудом (то есть Северную Буковину и Бессарабию), отказался принять советский ультиматум. В связи с этим в скором времени (как только закончится передислокация сил с выпавших из зоны боевых действий Западного и Северо-западного фронтов) на юго-западном направлении развернется стратегическая наступательная операция, имеющая целью сокрушить последних союзников Гитлера и всей массой советских войск выйти на Балканы. Поторопился товарищ Рокоссовский, говоря о скорой демобилизации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Советизация всея Европы – масштабный и долговременный проект. Но операция по принуждению Румынии к капитуляции случится чуть позже, а пока войска с боевым опытом грузятся в

эшелоны в Витебске, Смоленске, Бобруйске и Гомеле, чтобы, проследовав тысячу километров по железной дороге, через пару суток выгрузиться в тылах стремительно усиливающегося Южного фронта.

Особая роль отводилась егерскому батальону особого назначения под командованием подполковника Вуйкозара Пекоца, которому в качестве зоны ответственности выделили партизанское движение в Югославии, Болгарии, Греции и Италии (при необходимости). В основном Ватила рассчитывала на развитое партизанское движение югославского народа, а также на то, что Вуйкозару Пекоцу удастся найти язык со своими ближайшими кровными родственниками на Старой Земле. Да и сам новоиспеченный подполковник советских частей особого назначения принял проблемы местной родни близко к сердцу. И если немцы и отчасти итальянцы (этим в ближайшее время поступит особое предложение[1 - В нашей истории после капитуляции Италии в 1943 году значительная часть итальянской оккупационной армии в Югославии вместе с офицерами и генералами перешла на сторону югославских партизан и воевала в их рядах до конца войны. Эта чисто формальная лояльность итальянской армии режиму Муссолини выявилась по результатам глобального психосканирования, и потому советский вождь и имперское командование не торопились объявлять Италии войну до последнего солдата.]), находились вне зоны его интересов (за исключением особей, уже совершивших военные преступления), то хорватские усташи, исламисты-бошняки и сербские ренегаты-коллаборационисты считались вполне законной добычей.

Исходя из данных глобального психосканирования, старший социоинженер «Полярного Лиса» установила, что к настоящему моменту симпатии местного населения развернулись преимущественно в сторону справедливого общественного устройства – подобного тому, которое у себя воплотила в жизнь страна Эс-Эс-Эс-Эр. Лояльность же к прежнему королевскому правительству здесь на весьма низком уровне, в силу чего численность коммунистических партизанских отрядов вчетверо больше, чем у антикоммунистических повстанческих подразделений четников. А в Черногории народ и вовсе не забыл еще волюнтаристских решений предыдущей королевской власти, лишившей эту страну собственного пути развития, и потому там даже офицеры старой югославской армии в большинстве своем пошли в коммунистические партизаны, а не в королевские четники.

Но не все было ладно и в королевстве коммунистических партизан. То же глобальное психосканирование выявило, что внутри плотной, почти монолитной,

массы повстанцев имеются отдельные инородные включения, грозящие в будущем стать причиной больших проблем. Синяя Книга в основном заострялась на проблемах страны Эс-Эс-Эс-Эр, а о происходящем в других государствах повествовала скупо и неполно, но даже крохи доступной информации заставляли Малинче Евксину до предела серьезно относиться к тревожным сигналам. Помимо чисто военной деятельности, в задачу подполковника Пекоца входило выявление и ликвидация таких вот особей, успешно мимикрирующих под стопроцентных коммунистов. А то и до беды недалеко.

Перед тем как прибыть на новое место службы, подполковник Пекоц побывал в Берлине на приеме у диктатора Гальдера. Немецкие оккупационные власти на Балканах сворачивали свою деятельность, но все равно будущему имперскому уполномоченному по этому региону была необходима бумага, требующая содействия со стороны немецкого командования на местах, а еще, в полном соответствии с Соглашением о Присоединении, карт-бланш на арест лиц, обвиняемых в военных преступлениях. В этом документе, в списке, под номером «один» числился генерал горнострелковых войск Франц Беме, номинальный командующий 18-м горным корпусом (боевые части корпуса находились на Крите, а в Сербии дислоцировались 704-я, 714-я и 717-я и 718-я пехотные дивизии, называемые оккупационными). Этот генерал, действуя во исполнение приказа Гитлера самым решительным образом восстановить долговременный порядок на всей территории, отдал приказ расстреливать по сто мирных жителей за каждого убитого немецкого солдата и по пятьдесят – за раненого. За три месяца, минувших с начала общенационального югославского восстания, немецкие солдаты, в соответствии с приказами своего командующего, убили несколько тысяч мирных жителей, не разбирая между мужчинами, женщинами и детьми.

Эта преступная деятельность в нарушение всех приказов диктатора Гальдера продолжалась даже после подписания Соглашения о Присоединении, потому что, судя по всему, генерал Беме закусил удила. В отличие от большинства генералов вермахта, он имел «австрийское» происхождение, и сербов ненавидел на чисто генетическом уровне. По этой причине изымать фигуранта из штаба оккупационных сил в Сербии пришлось при участии смешанной роты штурмовой пехоты с «минской» выучкой, а также при содействии барражирующих в воздухе белокрылых космических истребителей, в любой момент готовых устроить оккупантам локальную акцию уничтожения. Егеря, непосредственно подчиненные Вуйкозару Пекоцу, для такой работы оказались несколько легковесны. Тихо прийти, взять что нужно и так же тихо уйти они могут, а вламываться превосходящей силой в укрепленное гнездо врага, сея вокруг себя

леденящий ужас, им не по профилю.

Зато штурмовая пехота отработала на пять с плюсом. Тех, кто попробовал оказать сопротивление, попросту уничтожили на месте, остальных положили мордой в пол и заставили бояться. Имперские штурмпехотинки в полной боевой экипировке производят внушительное впечатление, поэтому после первых недоразумений генерала Беме вынесли из собственного кабинета упакованным в силовую колыбель. При этом на генеральском рабочем столе в качестве напоминания последующим поколениям остался имперский ордер на его арест, а также оторванная голова адъютанта, который пытался защитить своего шефа. Когда рядовые штурмовой пехоты выполняют свою задачу, пытаться встать у них на пути – это все рано что преградить дорогу поезду.

Когда «веселье» в штабе оккупационных сил в Сербии было в разгаре, на коммуникационный планшет подполковника Пекоца поступило сообщение, что поблизости от места событий психосканером засечен еще один интересующий его человек. Тут большого силового сопровождения не потребовалось, хватило отделения егерей, да и подполковник Пекоц был сама вежливость. А как же иначе – ведь, согласно данным психосканера, тот человек имел нереализованные императорские способности класса А2, и при этом не был враждебен зарождающейся Империи. Ну и Вуйкозар Пекоц тоже слегка подготовился к встрече с фигурантом: нацепил на плечи имперские подполковничьи погоны вместо советских петлиц, пригладил особым образом волосы, склонив голову, прищелкнул каблуками – и из командира полевой егерской роты обратился в блестящего офицера Генерального штаба. Как и у всякого офицера, склонного одновременно и к полевой, и к штабной службе, обе эти ипостаси жили в нем практически не пересекаясь.

И опальный сербский принц Георгий Карагеоргиевич, треть жизни (с 1925 по 1941 год) проведший в рукотворном аду персональной психиатрической лечебницы, пошел за ним без малейших возражений. Шаг, другой – а там в шаттл и прямо на небеса, то есть на борт «Полярного Лиса». А дальше – каждому свое. Франц Беме, в режиме «с корабля на бал», оказался в опытных руках майора имперской безопасности Ари Махата, и тот тут же отправил этого гнусного военного преступника на принудительное ментоскопирование с целью составления Акта Самообвинения. Ну а слегка обалдевшего принца Георгия доставили в медицинский блок и с рук на руки сдали главному медику «Полярного лиса» военврачу первого ранга (кандидату медицинских наук) товарищу Иртаз Далер. Даже не являясь медиком по образованию и владея

только приемами первой помощи, Вуйкозар Пекоц видел, что медицинская помощь – главное, в чем нуждается этот неплохой в общем-то плохой человек. А потом возможны варианты. В отличие от всяких проходимцев, несколько раз предлагавших Георгию ничем не обеспеченную виртуальную сербскую корону, имперское командование и товарищ Сталин смогут сделать ему предложение, которое тот не сможет отвергнуть. Но чтобы это предложение правильно воспринять, Георгию Карагеоргиевичу нужно подправить здоровье – и телесное, и душевное. Душевное – в первую очередь.

21 сентября 1941 года, вечер мск. Околоземная орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Бывший сербский наследный принц Георгий Карагеоргиевич. (54 года)

История моей жизни опять сделала крутой поворот…

До шестнадцатилетнего возраста я был никому не интересным внуком черногорского короля Николы, а о моем отце Петре Карагеоргиевиче в те годы вовсе никто не вспоминал. Это были счастливые годы, когда я мог быть самим собой, не лицемерить и не кривить душой.

Потом группа офицеров-заговорщиков из тайной организации «Черная рука» изрубила последнего короля из династии Обреновичей в мелкий шницель и призвала на трон моего папА, который совершенно не был подготовлен к роли сербского короля. Тогда нас, его детей, срочно забрали из Санкт-Петербурга (где я и Александр проходили обучение в Пажеском корпусе, а сестра Елена – в Смольном институте) и отправили в Белград. Как нам сказали, дети правящего монарха должны учиться на родине. Так началось мое существование в роли наследника престола, тем более тягостное, что я с рождения ненавидел ложь и лицемерие, прочно прописавшиеся во дворцах правящих фамилий. Я всегда прямо в глаза называл вора вором (австро-венгерский император Франц-Иосиф), а труса и предателя – трусом и предателем (русский император Николай Второй), какие бы блистательные титулы они ни носили и высокие посты ни занимали. За это меня и убрали.

Заговор, который составил против меня господин Димитриевич, не был таким кровавым, как при свержении предшественника моего отца, но до предела был

наполнен подлостью и лицемерием. Не убивал я того лакея, – слышите, не убивал! – и несколько пощечин за доносительство – не в счет. Но истина никого не интересовала… Меня как «неуравновешенного и патологически жестокого типа» отстранили от власти, а несколько лет спустя мой брат расстрелял своих благодетелей из «Черной руки» по поддельному обвинению в покушении на свою жизнь. Тогда я даже не злорадствовал, а, наоборот, пытался хлопотать за несчастных приговоренных… Ведь ужасный господин Димитриевич и иже с ним все свои подлости, жестокости и преступления творили не ради себя, а ради блага нашей матери-Сербии. А вот мой брат Александр подличал, врал и мошенничал только ради себя самого и той власти, которую он планировал получить после смерти нашего отца. Уничтожая своих благодетелей, он просто испугался, что после падения монархии в России карбонарии Димитриевича совершат еще один переворот, на этот раз провозгласив Сербию республикой. Для него этого страха было достаточно.

После всего, что он сделал, этот страх стал его вечным спутником. И больше всего он боялся того, что однажды я решу оспорить у него трон нашего отца – трон, который должен был стать моим по праву рождения. И потому он несколько раз пытался устранить меня чужими руками (хотя заказчик преступления был очевиден), а потом по сфабрикованному диагнозу заточил меня в персональную психиатрическую клинику, где мне предстояло провести всю оставшуюся жизнь. Там я был даже меньше чем просто человек – униженное и оскорбленное существо, молящее о смерти как об избавлении, и в то же время слишком гордое, чтобы покончить жизнь самоубийством. Так начался четвертый, самый тяжелый период моей жизни, и продолжался целых шестнадцать лет. Этот кошмар все длился и длился… но все закончилось, когда на Югославию напал бесноватый вождь Третьего Рейха Адольф Гитлер. Вот кто был настоящий сумасшедший, хотя его в дом скорби никто не сажал.

Несмотря на то, что немцы были нашими врагами, они выпустили меня из того ада, на который меня обрек покойный к тому моменту брат Александр, и даже предложили должность марионеточного сербского короля. Но я прямо сообщил им, куда они могут пойти вместе со своими предложениями. Они меня поняли, но не расстреляли за непокорность, и даже не бросили в концлагерь, а позволили жить под охраной немецких солдат жизнью частного лица. Этот период моей жизни был самым коротким, меньше полугода, но за это время случилось наибольшее количество ярких событий. Для начала Адольф Гитлер напал на Советскую Россию, раскрыв для себя шкатулку Пандоры. И посыпались из этой шкатулки различные несчастья для Третьего Рейха…

И главным из этих несчастий был обнаружившийся вдруг на околоземной космической орбите огромный космический корабль, крейсер или даже линкор, украшенный большой красной пятиконечной звездой и надписью на кириллице, означающей «Полярный Лис». Пришельцы из космоса тоже называли себя русскими, и в качестве главного военного ресурса они взяли под контроль храбрую, но плохо управляемую большевистскую армию, совершенно преобразившуюся под их управлением. А так как их стратеги разбирались в военном деле гораздо лучше германских генералов, то с момента их появления в нашем мире вторжение вермахта в Россию кое-как заковыляло к своему закономерному концу на рубеже Днепра, претерпевая «дружественные» пинки, щипки и затрещины. Пропускать германцев дальше, несмотря на все большевистские недоделки, пришельцы не собирались, при этом причиняя им огромные потери бомбардировками глубоких тылов.

Избивая вермахт на фронте, пришельцы ни на минуту не прекращали осыпать Германию самой отборной пропагандой, рекламируя свою силу и свой образ жизни и предлагая всем желающим перейти на сторону их Империи. Именно так – Империя с большой буквы, единственная на нашей грешной Земле; Империя, которой, по их мнению, предстояло объединить разобщенное человечество. И – ни слова о большевизме, марксизме, пролетарской солидарности и колхозах… В сочетании с ужасающими потерями вермахта (русские солдаты под руководством пришельцев сражались яростно – так же, как их предки во времена Суворова и Петра Великого) эта пропаганда действовала на немецкие мозги весьма размягчающе. Даже я, хоть и не был немцем, начинал прикидывать, что тоже, наверное, захотел бы служить такому государству, которое на равных относится и к русским, и к немцам, и к сербам, и ко всем другим народам, не выделяя одни перед другими. А еще для пришельцев, именующих себя «имперцами», честность и верность слову оказались чем-то вроде религии. И это было мне очень импонировало, да только я от своей честности всю жизнь страдал, а Империя черпает в ней силу. Но тогда я даже не догадывался, к чему меня все это приведет в дальнейшем.

И вот настал тот час, когда все полетело под откос. Гитлер оказался в плену, Германия даже не капитулировала, а перешла на сторону победителя, немецкие войска в Белграде засобирались к себе в фатерлянд, а ко мне на огонек заглянул самый настоящий представитель имперского командования…

Чем-то подполковник Вуйкузар Пекоц напомнил мне молодых гвардейских офицеров, которых я знал в своей петербургской юности, а чем-то – юных

сербских четников из Македонии или Боснии, судьба которых была родиться, вырасти и умереть на войне. А еще я ощутил, что этот человек происходит не из мира сего. С первого взгляда внешность господина Пекоца казалась ничем не примечательной – обычный мужчина славянской наружности, светловолосый и голубоглазый. Но стоило разглядеть этого человека поближе – и стало понятно, что присутствуют в нем и некие трудноуловимые азиатские черты, смягчающие очертания лица. Чуть удлиненные глаза с легким намеком на раскосость, небольшой и довольно изящный нос… Впрочем, все это могло быть характерными особенностями того народа, которому он принадлежал, ведь он вообще происходил не с нашей планеты. Сам господин Пекоц называл себя венедом и говорил, что его предков на планету Склавения переселили в такие незапамятные времена, что даже самые древние старики не помнят, как это было. Насчет древних стариков – это, ясное дело, очередная шутка в его стиле, ибо племенной союз венедов, ставших впоследствии предками всех южных славян, существовал более тысячи лет назад. А еще от этого человека исходило некое такое, что заставляло верить ему. Его характер определяли такие качества как надежность, внутренняя сила, верность своему слову. Если с Александром мы были братьями только по крови, то с господином Пекоцем кровное родство у нас было весьма отдаленным, но тем не менее я мог положиться на него как на самого себя. И потому я не колеблясь пошел за ним (о чем ни на минуту не пожалел впоследствии). И тут же оказался в летательном аппарате под названием «челнок», который вознес меня туда, где я прежде и не надеялся побывать.

Чудеса для меня начались с первой минуты. Наконец-то я своими глазами увидел, кто они такие – эти солдаты имперской штурмовой пехоты, наводившие на солдат вермахта нечто вроде мистического ужаса. Оказалось, что это сплошь девицы! Поразительно! На острие войны, где бой идет глаза в глаза, Империя поставила не кого-нибудь еще, а именно женщин. Однако же стоило отметить, что по сравнению с этими воительницами мускулистые двухметровые гренадеры былых времен выглядели бы субтильными задохликами. Но при всей своей физической силе, и, так сказать, грандиозности, эти воинствующие девицы отнюдь не выглядели мужеподобными; сняв шлемы, они сразу становились женственными и привлекательными, они умели обворожительно улыбаться и грациозно двигаться. Чем-то они напоминали больших сытых тигриц. Уверен, что даже при их выдающихся физических кондициях кавалеров у них более чем достаточно… Мне было известно, какую кровавую бойню германской армии задали эти леди во время битвы за Минск. Кровь немецких солдат реками текла по тамошним мостовым, и именно в Минске командование вермахта окончательно распростилось с надеждами на благополучное завершение той

войны.

Когда я налюбовался на прекрасных имперских воительниц, господин Пекоц соизволил сообщить мне, что мою персону совершенно случайно обнаружили каким-то там «психосканером», как особу, некогда принадлежавшую к правящему семейству. При этом основной целью набега имперских сил на Белград была охота за генералом горнострелковых войск Францем Беме, совершившим непозволительные, с точки зрения Империи, преступления против мирного сербского населения; теперь тот подлежал суду законных властей Сербии. Сам генерал оказался упакован в нечто напоминающее пенал для перевозки человеков (господин Пекоц назвал это «силовой колыбелью») и не мог не только пошевелиться, но даже издать лишнего звука, а лишь выпучивал белесые глаза и нечленораздельно мычал, разевая рот. Я собирался спросить, какие именно власти в Сербии имперцы считают законными, но не успел: мы прилетели и меня тут же захватил водоворот событий.

Первым делом меня отправили в ведомство главного доктора. Господин Пекоц сказал, что если театр начинается вешалки, то посещение космического крейсера хорошим человеком начинается с визита к врачу. Мало ли какими тяжелыми болячками мог одарить меня отсталый и жестокий мир. При этом нехорошие люди (такие как генерал Беме) сразу же отправляются в логово имперской безопасности, где рассказывают все что знают, о чем думают и догадываются. Но мне в качестве сопровождающей выделили хрупкую субтильную девочку в серо-голубой форменной одежде, лет двенадцати на вид, и та повела меня за собой по лабиринту коридоров и пустотных лифтов. Уже позже я узнал, что девочка не была девочкой, а являлась представительницей еще одной имперской народности под названием «сибхи»: еще один из ликов Империи – на этот раз не могучий и всесокрушающий, а хрупкий, нежный и доброжелательный.

В медицинской части «Полярного Лиса» меня тоже ждало множество впечатлений… В том числе и личность того самого главного доктора. В этой женщина так явственно соединялись человеческие и нечеловеческие черты, что в первый момент я даже натуральным образом испугался, чего со мной не было очень давно, то есть с раннего детства. Но потом первый испуг от нечеловеческого вида госпожи доктора прошел, и я понял, что, в отличие от большинства тех врачей, с которыми мне приходилось иметь дело раньше, целью исследований и манипуляций госпожи Иртаз Далер была как раз поправка моего здоровья. При этом ее отношение к моей особе было предельно

доброжелательным, а проводимые ею процедуры – практически безболезненными. Вскоре я перестал обращать внимание на ее высокий рост и нечеловеческие черты, отдавшись блаженному ощущению того, что о моем благополучии искренне заботятся.

Закончив осмотр, доктор посмотрела на меня пристальным взглядом и сказала, что мой организм сильно изношен, а также имеются последствия двух тяжелых ранений, полученные мной в прошлую Великую Войну. Поэтому в качестве быстрого средства улучшения текущего состояния здоровья мне предложили лечь внутрь специальной лечащей машины и провести там двое суток, покоясь в счастливом сне. Я посмотрел на гостеприимно открытое чрево устройства, похожего на древнеегипетский саркофаг, и, недолго подумав, согласился. А почему бы и нет? Ведь старые раны, ноющие в плохую погоду – не самые лучшие награды за подвиги на поле боя. Кроме того, мне стало чертовски интересно, что же все же такое – «счастливый сон». В последнее время я либо вовсе не видел снов, либо они оказывались разновидностями кошмаров.

22 сентября 1941 года, полдень. Москва, Кремль, Большой Кремлевский Дворец, зал заседаний Верховного Совета СССР.

Сегодня исполнилось ровно три месяца со дня нападения гитлеровской Германии на Советский Союз – и в Большом Кремлевском Дворце, в зале заседаний Верховного Совета СССР, состоялась совместная сессия ЦК ВКП(б), секретарей республиканских и областных комитетов партии, исполкомов, а также председателей республиканских и облсоветов, Совнаркома и Верховного Совета СССР. Более двух тысяч человек, составляющих советскую элиту, заполнили[2 - Максимальная вместимость зала заседаний составляет 2500 кресел, больше народу сможет поместиться только если они будут стоять в проходах. Такая вместимость объединенного Андреевского и Александровского залов была определена при реконструкции Большого Кремлевского Дворца в 1933-34 годах, именно исходя из задачи одновременно вместить в себя всю советскую элиту, до уровня областей включительно. Если бы была задача охватить районы, то тут потребовался бы уже крытый стадион.] огромный зал. Настроение в этой массе было приподнятым, можно сказать, даже праздничным. Короткая, но ожесточенная война завершилась безусловной победой Советского Союза – примерно так же, как два года назад завершилось сражение при Халхин-Голе: враг признал поражение и даже, более того, отверг националистическую ересь, превратившись в нормальное социалистическое

государство. Все в соответствии с довоенными теориями о классовой солидарности трудящихся и могуществе Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

И вот на трибуну поднимается Верховный Главнокомандующий, Вождь и Учитель, Лучший Друг Советских Физкультурников и т. д. Немного помолчав и обведя зал внимательным взглядом, советский лидер начинает говорить[3 - За основу этой вымышленной речи с подгонкой под контекст были взяты речи Сталина от 9 мая 1945 года и 9 февраля 1946 года.]:

«Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и подписала Соглашение о Присоединении, включающее в себя безоговорочную капитуляцию вражеских вооруженных сил. Сегодня территорию Советского Союза покинул последний германский солдат, и вместе с тем Красная Армия вступила в Европу, чтобы на своих штыках принести ее народам свободу от германской оккупации и гнета мирового капитала. Никогда больше европейским народам не будет угрожать война. Никогда на европейских полях сражений не будут рваться снаряды, а разноплеменные солдаты не будут гибнуть за прибыли владельцев заводов, газет и пароходов. Вместе с бойцами Красной Армии в Европу пришел не только наш самый справедливый общественный строй, но и вечный мир.

(Бурные аплодисменты)

Две недели назад, восьмого сентября, нашими союзниками был захвачен в плен Адольф Гитлер – так называемый фюрер германской нации, создатель человеконенавистнической расовой теории, поджигатель мировой войны и прямой виновник гибели миллионов людей. Это и стало последней соломинкой, которая сломала спину нацистскому верблюду, заставила германское командование признать очевидное и неизбежное поражение и отдать своим войскам приказ сложить оружие. В подтверждение этого факта одиннадцатого сентября на нейтральной полосе севернее города Орши, там, где в самом начале Смоленской битвы наши войска героически сражались против многократно превосходящих орд германских захватчиков, было подписано Соглашение о признании Германией своего поражения и ее присоединения к Советскому Союзу на правах ассоциированного члена.

Исполнение этого Соглашения началось немедленно сразу после подписания документов. Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договоры и соглашения пустой бумажкой, мы не имели основания верить им на слово. Однако сразу после подписания соглашения немецкие войска во исполнение достигнутых договоренностей стали в массовом порядке складывать оружие и передавать нашим властям лиц, ответственных за злодеяния, совершенные против советского мирного населения и военнопленных. Это уже не пустая бумажка. Наша добрая воля в одной руке и тяжелая дубина в другой сделали немецких генералов вполне покладистыми и договороспособными. Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома гитлеровского нацизма, день великой победы советского народа над людоедскими, человеконенавистническими идеями расового превосходства. Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов, объединенных идеей совместного труда ради общего блага и безопасности.

Начиная эту войну, Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было всего три месяца назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, – ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чём бредили гитлеровцы. Германская армия разбита наголову. Германские солдаты складывают оружие и не солоно хлебавши возвращаются в свой фатерлянд. Нет у нас здесь для них обширных поместий с покорными рабами, а есть только бескрайние поля, густо усеянные березовыми крестами. Советский Союз торжествует победу, но он не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию. Перевоспитанием заблудшего немецкого народа в правильном духе интернационализма и солидарности займутся наши братья из космических далей, которые плечом к плечу встали вместе с советским народом в его исторической борьбе против коричневой чумы двадцатого века и присоединились к Советскому Союзу на правах автономной самоуправляемой единицы. Теперь нам осталось только одно дело – судить Гитлера, а также его сторонников и пособников, отрытым справедливым судом, который установит и публично огласит все обстоятельства заговора, приведшего к величайшей мировой трагедии.

Некоторые, в том числе и за рубежом, могут сказать, что наша победа была достигнута чужими руками, но это совсем не так. Никакой космический крейсер ничем не смог бы помочь Красной Армии, если бы она сама не нашла в себе силы

опомниться после вероломного нападения, обернуться навстречу жестокому врагу и дать ему бой не на жизнь, а на смерть. Не на высоте оказались некоторые наши генералы, в душе так и оставшиеся царскими унтерами; зато рядовые бойцы и их командиры дрались с врагом яростно, даже, можно сказать, самозабвенно. Космическая штурмовая пехота и егеря поддержали, а их тактики направили этот отчаянный порыв, который сумел сорвать планы гитлеровских генералов и привести вражескую армию к быстрому и катастрофическому поражению. Мы победили бы и без помощи извне, но эта победа стоила бы нам долгих лет войны на истощение, миллионов погибших солдат и мирных жителей, огромных разрушений, а самое главное, нам пришлось бы пойти на поклон к нашим злейшим врагам, британским и американским капиталистам.

(Бурные аплодисменты)

Как известно, в иностранной печати уже не раз высказывались утверждения, что советский общественный строй является «рискованным экспериментом», обречённым на провал, что советский строй представляет «карточный домик», не имеющий корней в жизни и навязанный народу органами Чека, что советское многонациональное государство представляет «искусственное и нежизненное сооружение». Они утверждали, что достаточно небольшого толчка извне, чтобы этот «карточный домик» разлетелся в прах, что в случае каких-либо осложнений Советский Союз ждёт судьба Австро-Венгрии, потому что его развал якобы неотвратим.

Теперь мы можем сказать, что война опрокинула все эти утверждения как беспочвенные. Война показала, что наше многонациональное социалистическое государство является вполне жизнеспособной и устойчивой формой организации общества, выросшей из недр народа и пользующейся его могучей поддержкой. Более того. Теперь речь идёт уже не о том, жизнеспособен или нет социалистический общественный строй, ибо после наглядных уроков войны никто из скептиков не решается больше выступать с сомнениями насчёт жизнеспособности нашего общественного строя. Теперь речь идёт о том, что социалистический общественный строй оказался лучшей формой организации общества, более устойчивым, чем любая форма капиталистического общественного строя. Наша победа означает, что наше многонациональное социалистическое государство выдержало все испытания войны и доказало свою жизнеспособность.

(Бурные и продолжительные аплодисменты)

Некоторые могут спросить: а какой строй и какое государство у них – наших союзников из космоса? После долгого размышления был сделан вывод, что их общество, так же как и наше, носит социалистический характер. Они, так же как и мы, не делят людей по расам, классам и религиям. Они, так же как и мы, обеспечивают свой народ всеобщим бесплатным медицинским обеспечением и средним образованием, вне зависимости от происхождения. Они, так же как и мы, считают, что каждый гражданин должен трудиться на общество в силу своих способностей и получать за это от общества в соответствии со своими заслугами. Так же как и мы, они считают, что власть должна действовать в интересах всего народа, а не отдельных групп населения. Таким образом, получается, что государство наших союзников тоже до предела социалистическое, только слегка задрапированное феодальной фразеологией. О том, что это именно фразеология, говорит то, что ни один из их так называемых «титулов» не передается по наследству. Каждый их гражданин, в какой бы семье он ни родился, так же как и у нас, начинает свою жизнь с чистого листа. И это значительно лучше, чем тот феодализм, лишь слегка замаскированный марксистско-ленинской фразеологией, который мечтают построить у нас некоторые товарищи, которые нам совсем не товарищи. Это когда все лучшее им и их детям, а остальным – то, что осталось.

В связи со всем вышесказанным и нам есть чему поучиться у товарищей из космоса. В их обществе нет людей, которые бы занимали посты не в соответствии со своими талантами и возможностями, а по родству, знакомству, или из-за «правильного» происхождения, или умения произносить ничего не значащие, но идеологически верные речи. Мы в своей повседневной жизни должны поступать точно так же. Слишком дорого могла нам обойтись глупость и нераспорядительность некоторых функционеров, прикрывавшихся, будто фиговым листком, густой марксистско-ленинской фразеологией. Но мы-то видим, где у нас дела, а где лишь трескучие фразы. Недопустимо такое положение, когда за трескучими, идеологически выдержанными фразами мы не видим отсутствия реальных дел. В ближайшее время, товарищи, я вам обещаю – положение с управлением в советском государстве радикально улучшится и весь наш советский народ почувствует, что жить ему стало лучше, жить стало веселее.

Итак, товарищи! Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития и бурного научного и промышленного роста. Каждое последующее поколение советских людей будет жить лучше, веселее, интереснее, чем предыдущее.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

СЛАВА НАШЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ОТСТОЯВШЕЙ НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ И ЗАВОЕВАВШЕЙ ПОБЕДУ НАД ВРАГОМ!

СЛАВА НАШЕМУ ВЕЛИКОМУ НАРОДУ, НАРОДУ-ПОБЕДИТЕЛЮ!

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОЯХ С ВРАГОМ И ОТДАВШИМ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА СВОБОДУ И СЧАСТЬЕ НАШЕГО НАРОДА!

Аплодисменты после завершения речи Верховного Главнокомандующего были уже не такими бурными, как первоначально, но не менее продолжительными. В то время как большая часть присутствующих самозабвенно хлопают любимому Вождю, другие (в основном члены ЦК второго эшелона и часть депутатов Верховного Совета, до которых еще не дошли профориентационные чистки) начинают беспокойно озираться, будто хищные пушные зверьки, почуявшие западню. Но все это уже в пустой след. Еще при прохождении мандатной комиссии все они были просканированы, персонально идентифицированы – и теперь, в тот момент, когда речь Вождя вызвала в слушателях сильнейший эмоциональный отклик, установленная в зале психосканирующая аппаратура сняла массив данных и с привязкой к персоналиям по выделенному каналу связи переправила на профориентационный комплект, установленный на даче Вождя. Отныне не останется ничего тайного, что не стало бы явным, и застарелая троцкистская фронда в руководстве партии большевиков умрет в полном соответствии с законами времени.

Но это случится позже. А пока что тот, кто заманил всех тайных и явных врагов в добротно сделанную западню, торжествующе улыбается в рыжеватые усы. Он только что сделал большое дело и непререкаемо уверен в своей правоте. Срочно провести эту работу Вождя убедили не столько лекции Малинче Евксины о необходимости кадрового укрепления управленческой пирамиды Советского Союза, сколько зловонные гнойники, вскрывшиеся в последние месяцы в результате расследования Льва Мехлиса в Ленинграде, а также после смерти Никитки на Украине. По результатам набега Мехлиса на Кировский завод товарищ Жданов был вызван на дачу в Кунцево, рассмотрен под микроскопом (то есть профориентационным комплектом) и переведен из категории «вернейший соратник» в категорию «третий сорт не брак». А все потому, что и в Ленинграде и Киеве удалось выявить формирование устойчивых партийных

группировок предназначенных к схватке за власть после его, Сталина, смерти. А это совсем не тот процесс, который можно признать позволительным.

Как был разбит внешний враг – точно так же будут уничтожены и преданы забвению деятели, намеревавшиеся превратить строящийся социализм в личную кормушку. Год очередного великого перелома настал. Правда, еще остаются Литвинов в Америке и Майский в Великобритании, а также мелкая шушера, окопавшая по наркоматам, районным, городским и заводским комитетам, но до нее руки дойдут уже в рабочем порядке, без криков, лозунгов и штурмовщины.

22 сентября 1941 года, 17:05. Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина, рабочий кабинет Вождя.

Присутствуют:

Верховный Главнокомандующий, нарком обороны и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) – Иосиф Виссарионович Сталин;

Нарком внутренних дел – генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия;

Нарком госконтроля – Лев Захарович Мехлис;

Старший (и единственный) социоинжинер «Полярного Лиса» – Малинче Евксина.

Люди, собравшиеся в кабинете вождя, занимались почти тем же, чем и школьники, отбывающие субботник на овощехранилище. Только те в таких случаях обычно сортируют картошку или другие корнеплоды, а Сталин с соратниками перебирал советскую элиту, деля ее на три категории.

В первую категорию, самую большую, пошли твердые, красные и хрустящие, безо всяких признаков болезни левизны и троцкизма, люди – те, что преданны советской идее, но без излишнего фанатизма. В переходной период они будут послушно выполнять все указания товарища Сталина. Их не покоробит вид погон на плечах советских бойцов и командиров, и они не будут плеваться от имен Александра Невского, фельдмаршалов Суворова и Кутузова, а также императора

Петра Великого… В дальнейшем годных «элитариев», в свою очередь, предполагалось разделить на следующие категории: чистые исполнители и те, кому можно доверить самостоятельное дело, а также достигшие служебного «потолка» и те, кому еще есть куда расти.

Таких – правильных – управленцев в советской элите пока большинство, иначе ей не удалось бы провести индустриализацию и в нашем прошлом победить в большой войне. Но достигалось это преимущество крайне непроизводительным путем, ибо механизм, предназначенный отбрасывать в сторону отработанный шлак, зачастую хватал здоровые элементы системы, и исправить эти ошибки чаще всего уже не удавалось. Доносы в условиях советской действительности писались по любому поводу, зачастую не связанному с политикой. Подковерная борьба между различными научными школами, наркоматами и даже хозяйствующими субъектами в Советском Союзе имела свои жутковатые особенности. Сотрудники НКВД, в массе своей малограмотные и не разбирающиеся в сути вопроса, вносили в ряды специалистов хаос и опустошение, восполнить которые не всегда было возможно.

В другую кучку пошли идейные твердокаменные ленинцы, недорезанные леваки и прочие троцкисты. Если речь шла о деятелях республиканского или областного звена, то Малинче Евксина в качестве дополнительных материалов извлекала из архивов результаты глобального психосканирования территории СССР по областям. И общий уровень оптимизма, и лояльность к советской власти в границах земель, подвластных этой категории руководителей, почти всегда были хуже, чем в общем по стране. Причинами таких явлений, как правило, были перегибы текущей политики, волюнтаризм, низкая грамотность такого рода руководителей, бравирующих этим обстоятельством («мы академиев не кончали»), ну и палочные методы выполнения и перевыполнения планов, зачастую составленных без всякой связи с реальными возможностями вверенных им территорий.

Пятнадцать лет спустя эта публика, изрядно размножившаяся из-за военных потерь, понесенных управленцами первой категории, должна была бы поддержать Хрущева в его развенчивании «культа личности» и огульном охаивании всего сделанного Сталиным, что в итоге, еще через тридцать пять лет, привело к краху СССР. Вождь был удивлен, можно даже сказать, шокирован тем, сколько таких функционеров сумели проскочить через жернова предшествующих чисток и затаиться внутри партии в ожидании лучших для себя времен. Партийный организм, казавшийся здоровым и готовым к тяжелым

испытаниям, по факту оказался зараженным огромным количеством смертоносных бацилл… Но теперь все будет совсем не так, как в нашем прошлом. И Хрущева уже нет, и его несостоявшихся сподвижников вместо карьерного роста ожидает следственная тюрьма на Лубянке, откуда они выйдут только к расстрельному рву или, в лучшем случае, на лесоповал.

В третью категорию попали функционеры, в своей деятельности руководствующиеся не идейными соображениями (неважно, правильные они или нет), а личными шкурными интересами. Таких деятелей в советской системе государственного управления еще совсем немного, потому что пока они предпочитают не партийно-государственную, а хозяйственную стезю. Вот там они кишат как опарыши в выгребной яме, ибо если правоохранительная система увязла в борьбе с врагами народа, ей становится не до расхитителей социалистической собственности.

В партийно-государственной системе их время настанет позже, когда сначала естественным путем иссякнут управленцы сталинской формации, а вслед за ними, обанкротившись вместе со своим шефом, лет через десять сойдут со сцены и хрущевцы-троцкисты. И вот тогда, если верить Синей Книге (а не верить ей Сталин не мог), настанет время безудержного хапка на всех уровнях советской управленческой пирамиды: от генсека товарища Брежнева до секретаря захолустного райкома. Эти люди построят коммунизм для себя лично и для тех, кто вошел в их номенклатурный кружок (при полуголодном существовании для всех остальных) – и сгинут из действительности одновременно с разрушенной ими советской системой.

И то, что сейчас управленцев-шкурников совсем немного и представляют они преимущественно Кавказ и среднюю Азию (где идейных товарищей вообще мало, а в основном имеют место приспособленцы), совсем не значит, что эту разновидность советских управляющих кадров можно оставить без самого пристального внимания. Тем более что в указанных национальных регионах местные кадры отличаются повышенной продажностью, так что с управленцами третьей категории рука об руку ходят разного рода местные буржуазные националисты. В отдельных случаях эти два сорта «врагов народа» уже слились в радостном экстазе, в других – только собираются это сделать.

Еще вначале, анализируя результаты глобального психосканирования, Малинче Евксина сказала Вождю, что, разделив некогда единое государство по национальному признаку на множество автономных частей, основатель страны

Эс-Эс-Эс-Эр не приблизился, а только отдалился от цели формирования единой нации всех советских людей. Таким образом, племенная раздробленность, свойственная всем недоразвитым сообществам хумансов, оказалась включенной в основные постулаты новосозданного государства, что законсервировало ее на неопределенно длительный срок и в итоге привело советскую систему к краху. В момент, когда репрессивная машина органов перестала сдерживать центробежные устремления сформировавшихся национальных элит, страна Эс-Эс-Эс-Эр, вопреки воле большей части своего народа, распалась на множество национальных частей. Другой стороной этой системы является борьба с так называемым «русским великодержавным шовинизмом», которую до сих пор практикуют на местах власти некоторых национальных республик. А это уже прямой подрыв целостности и единства страны Эс-Эс-Эс-Эр, ибо общесоветский патриотизм, без которого невозможно ее существование, процентов на семьдесят-восемьдесят состоит из того же «русского великодержавного шовинизма». Именно отсюда проистекает ущемление в снабжении и развитии по сравнению с национальными окраинами большей части чисто русских территорий. И по этой же причине несколько областей с преобладанием русского населения были отданы под власть враждебных русскому духу национальных элит.

Рассмотрев все особенности предложенного анализа, а также исходные материалы, вождь советского народа проворчал, что сам он в то время был против раздела единой Советской России на множество национальных республик, считая необходимыми только национально-культурные автономии, но товарищ Ленин и иудушка Троцкий настояли на своем варианте развития советского государства. Путь, который предложил тогда сам Сталин, был охаян как «недопустимый имперский централизм», и если бы в марте двадцать третьего года Ильича не шарахнул третий инсульт, превративший его в подобие комнатного растения, еще неизвестно, что стало бы с будущим вождем советского народа. В итоге, оставшись без поддержки Ленина, Троцкий Сталину проиграл, да и не мог не проиграть, ибо по отношению к большинству рядовых партийцев был фигурой чуждой, если не враждебной[4 - В своих мемуарах белоэмигрант Роман Гуль приводил свидетельства бывшего большевика Александра Нагловского:«Не будет преувеличением сказать, что и в 1917 году в массах Троцкий был известнее и популярнее Ленина. Но то, что было незаметно для зрителя извне, было очевидно всякому более-менее крупному партийцу: как только Троцкий уходил вглубь большевистской партии, он неизменно в её теле оказывался «чужероден». С 1917 года по 1920 мне часто приходилось встречаться и с Троцким и с его противниками и могу засвидетельствовать, что крайняя неприязненность к нему Зиновьева, Крестинского, Сталина, Стучки,

Дзержинского, Стасовой, Крыленко и многих других проверенных ленинцев существовала всегда и редко чем-нибудь прикрывалась. Все эти люди только «терпели» Троцкого потому, что он был нужен большевистской революции, и потому, что Ильич заключил с ним некое «джентльменское соглашение»… Рука Ленина, поддерживающая Троцкого под спину, всегда была ощутима, и без этой руки падение Троцкого могло быть ежедневным…»]. Однако, к сожалению, содеянное им в паре с Лениным расчленение Советской России исправить уже не представлялось возможным.

На это Малинче Евксина ответила, что возможно исправить все, что еще не привело к смерти. Мол, имперская наука такое позволяет. Чтобы изменить политику в отношении распределения благ и вложений в развитие между центральными русскими территориями и национальными окраинами, достаточно распоряжений самого советского вождя. Для возвращения в состав Эр-Эс-Фэ-Сэ-Эр русских областей требуются «многочисленные просьбы трудящихся с мест». А вот для того, чтобы полностью изменить административное устройство страны Эс-Эс-Эс-Эр, приблизив его к имперскому образцу, нужен большой процесс над «врагами народа», который покажет любому непредвзятому зрителю, что власти национальных республик или уже скатились в буржуазно-национальный уклон или готовятся это сделать.

Именно поэтому заниматься функционерами-шкурниками по плану предстоит Льву Мехлису, точнее, этим займется подчиненный ему наркомат Госконтроля. В случае необходимости его люди смогут привлекать к работе «специалистов» из ГУГБ НКВД. Кстати, именно Мехлис оказался последним из приближенных к Сталину советских и партийных функционеров, кого Вождь лично посвятил в подробности истории с «Полярным Лисом». С удивлением и даже некоторым недоверием этот незаурядный человек рассматривал результаты собственного профориентационного сканирования. И только слова Хозяина о том, что лично для него этот факт ничего не меняет (мол, все это он, Сталин, знал и раньше, а чего не знал, о том догадывался), вывели наркома Госконтроля из состояния ступора.

– Ты, Лев, у нас человек-бульдозер, – сказал ему Верховный, собрав в стопку карточки людей, помеченных как «шкурники-националисты», – начисто сносишь все, что оказывается на пути. Так что в ближайшее время тебе предстоит поездка по горам Кавказа и азиатским степям. Большинство твоих будущих клиентов как раз оттуда. Но даже не это будет для тебя главным. Ты должен дать нам ответ – имеется там, на окраинах, у нас советская власть или же на

местах господствует самый махровый феодализм, лишь самую малость прикрытый советской фразеологией. Данные дистанционного сканирования говорят, что никакой советской власти в национальных республиках у нас нет и не предвидится. Твоя задача – подтвердить или опровергнуть этот тезис. И будь осторожен, ты нам еще нужен. Арестовывать выявленных тобой кадров мы будем уже в Москве, когда твоя поездка завершится. А ты только смотри и не трогай ничего руками; в крайнем случае, если будет невмоготу, набей морду какому-нибудь стрелочнику, да только так, чтобы главные фигуранты не сумели понять, что ты их раскусил и готов действовать. А теперь бери документы и иди…

Когда Мехлис вышел, Сталин переглянулся с Берией и сказал:

– Как я понял, товарищ Малинче, в ближайшее время вы тоже собираетесь нас покинуть?

– Да, – просто ответила та, – инверсия дикого темного клана – весьма ответственная работа, и, к сожалению, у меня нет никого, на кого бы я смогла возложить эту обязанность. Но вы не переживайте, я вернусь как только смогу, и тогда мы с вами закончим начатое. И, кстати, плененный и перевербованный «Корсар», продемонстрированный вашему человечеству, послужит хорошим аргументом для скорейшей интеграции и всепланетного объединения. Ведь одно дело – наш «Полярный Лис», экипаж которого настроен к человечеству вполне лояльно, и совсем другое – неперевоспитанная матрона темных эйджел, не испытывающая к хумансам теплых чувств, а оттого способная нагнать страх на кого угодно.

– А ведь она права, – немного подумав, сказал Берия, когда Малинче Евксина вышла, – лучшего повода загнать всех под один каблук у нас не будет. Ведь не обязательно объяснять всем и каждому, что имперские товарищи с легкостью способны решить эту проблему…

– Имперские товарищи способны какое-то время партизанить и уклоняться от ударов, выигрывая время, необходимое нам для новой индустриализации, – набивая трубку, сказал вождь. – Лет за сто мы должны пройти путь, который у других цивилизаций уложился в тысячелетия. И только если мы успеем и выстоим перед неизбежным натиском, можно будет сказать, что этот шанс был дан нам недаром. Ты даже не представляешь себе, сколько это потребует работы от тебя, от меня и других таких же, кто встанет на своем месте и будет

биться насмерть. Мы с тобой того дня, несмотря ни на какую стабилизацию, должно быть, уже не увидим, а вот товарищ Малинче будет все еще молодой, красивой и полной сил…

Немного помолчав, Вождь добавил:

– Когда она рядом, я забываю, что мне шестьдесят два года, что я дважды вдовец, что у меня есть взрослые сыновья и почти взрослая дочь. Быть может, после Стабилизации, когда я почувствую себя совсем молодым, то не смогу уже, наверное, держать свои чувства втуне, и это меня и радует и страшит, Лаврентий. Два моих брака оказались неудачными, и я не знаю, что обо всем этом подумает Василий, Светлана… и вообще, стоит ли переходить ту грань, которая отделяет служебные отношения от личных.

– Знаешь, Коба, – сказал Берия, – я не хотел бы давать тебе советы, тем более что ты все знаешь уже сам. Ну ты меня понял, да. Если упустишь товарища Малинче, то годы, которые добавит Стабилизация, превратятся для тебя в сущий ад. И за Василия со Светланой не беспокойся. Они тебя поймут.

23 сентября 1941 года, 12:05. Италия, Рим, резиденция дуче вилла Торлония.

Итальянский диктатор, позер и краснобай Бенито Муссолини.

Граф Чиано Галеаццо прибыл на виллу Торлония ровно в полдень. В своем лице он совмещал сразу две должности: во-первых, этот аристократ во втором поколении (его отец был пожалован графским титулом за подвиги в первой мировой войне) занимал пост министра иностранных дел, а во-вторых, он же был женат на старшей дочери Муссолини, статной тридцатиоднолетней красавице Эдде, приходясь таким образом итальянскому диктатору зятем. Впрочем, «во-первых» и «во-вторых» вполне можно поменять местами, ибо назначен на должность граф Чиано был не по своим заслугам, и даже не по заслугам отца, а потому что ему повезло стать зятем диктатора. А кому еще Муссолини может верить в этом неверном мире, как не члену собственной семьи[5 - А еще граф Чиано был противником сближения Италии с гитлеровской Германией и всяческих военных авантюр. Он считал, что если уж выбирать союзников, то среди тех стран, с которыми Италия сражалась в прошлой мировой войне в одном строю. Но даже эта оппозиционная точка зрения не помешала Муссолини

назначить своего зятя министром иностранных дел. Вот что значит настоящие родственные чувства.]?

И вообще, была у дуче одна мыслишка: отодвинуть в сторону наполовину ославянившуюся[6 - Женой последнего короля Италии Виктора-Эммануила Третьего являлась черногорская принцесса Елена Петровна, дочь короля Петра Негоша, стопроцентная славянка без малейших признаков европейских кровей. И хоть славяне не входили в число наций, ущемленных итальянскими расовыми законами, но по их поводу Муссолини неоднократно высказывался в самом грязном ключе.] и самоустранившуюся от дел Савойскую династию и объявить себя итальянским императором Бенито Первым. Но с недавних пор подобные мечты предпочтительнее было свернуть в трубочку и запрятать туда, где о них никто не узнает. Ибо чревато. До итальянского дуче уже довели (через Берлин), что на планете Земля теперь только одна империя и только один император. И желающих оспорить эту истину ждет унизительная публичная порка с вероятным смертельным исходом. И тому свидетель – его, Муссолини, друг и единомышленник Адольф Гитлер, схваченный ужасными пришельцами из будущего и засунутый в каталажку в ожидании публичного судилища. Воистину печальна судьба свергнутых владык…

И в то же время германские генералы во главе со своим вождем Гальдером, признав за пришельцами право силы, послушно вышагивают под бравурные марши новой Империи. Если не так давно эти люди с презрением говорили обо всем славянском и называли русских недочеловеками; теперь же, знатно получив от этих самых русских по мордасам, они сменили былое мнение на противоположное. Завоевание России под руководством Гитлера не удалось – да здравствует завоевание Галактики под руководством пришельцев. Ведь это – масштабный проект, который потребует каждого солдата, офицера или генерала, каких только можно сыскать на планете Земля. К настоящему моменту к империи, формирующейся на основе Большевистской России, присоединились побежденные немцы и непобежденные японцы; кроме того, ходят слухи, что на этот путь свернула даже богатая и ни от кого не зависящая Америка… А вот про Великую Италию, возглавляемую блистательным и великолепным дуче, командование Империи как будто бы забыло.

Муссолини, вставая перед зеркалом при полном параде и раздувая грудь, уже много раз представлял себе, как он, такой красивый и значительный, диктует имперскому командованию условия присоединения Италии к имперскому Альянсу… Однако действительность оказалась гораздо прозаичнее и страшнее.

Граф Чиано, после того как поздоровался с Муссолини, сначала в мрачном молчании глянул на него, а потом положил перед ним какую-то бумагу и коротко сказал каким-то безжизненным голосом:

– Мой дуче, имперским командованием и господином Сталиным нам предъявлен ультиматум…

– Ультиматум?! – непонимающе переспросил Муссолини и два раза моргнул, пытаясь осмыслить сказанное.

– Именно так, – подтвердил граф Чиано, – ультиматум. От нас требуют в месячный срок упразднить все расовые законы, легализовать запрещенные политические партии, амнистировать политических заключенных, восстановить классическую парламентскую систему, отменив при этом закон Ачербо[7 - Закон Ачербо – итальянский избирательный закон 18 ноября 1923 года, предложенный бароном Джакомо Ачербо и проведенный через итальянский парламент.Согласно Закону Ачербо, партия, получившая первое место на выборах и не менее 25 % действительных голосов, получала 66 % мест в парламенте. Оставшиеся мандаты распределялись между остальными партиями согласно пропорциональной системе. На практике закон закрепил установившуюся власть фашистской партии. На выборах 1924 года, проведённых соответственно новому закону, Бенито Муссолини получил лояльный парламент, что способствовало установлению его диктатуры.Итальянская социалистическая партия не признала принятие закона и не участвовала в правительстве, что дало Муссолини еще большую свободу действий. Оппозиционные депутаты сформировали так называемый Авентинский блок и отказались участвовать в работе парламента, чем сделали его однородно фашистским. Позже несколько руководителей социалистической партии были убиты фашистскими агентами.], а также узаконить так называемые «партизанские» боевые отряды коммунистов и левых социал-демократов, придав им права народной милиции. Кроме того, по мере продвижения большевистских армий в Европу наши войска должны без боя, мирным путем оставить свои позиции в Греции, Югославии, Албании и во Франции, и вернуться на территорию Италии. Нам позволят продолжать военную деятельность только против англичан и исключительно на Африканском театре военных действий. Если мы выполним эти требования, то получим помощь в борьбе с британцами за колонии на Африканском континенте и будем иметь гарантии того, что преобразование Италии в автономную часть Империи пройдет мирным путем, без репрессий и кровопролития. Если же мы отвернем предъявленные требования, то Империя не задумываясь снесет одним нас

одним могучим ударом, как уже снесла ту же Германию. Тем более что и союзников в этом деле у нее будет хоть отбавляй. В этой войне на нас ополчатся все те, кто в течение двадцати лет был придавлен железной пятой фашистской диктатуры – от коммунистического подполья до сицилийской мафии.

Закончив говорить, граф Чиано посмотрел на ошарашенного тестя и, не дождавшись реакции, добавил:

– Этот месяц нам дали потому, что пока до нас просто не дошли руки. Сейчас Красная Армия продвигается в Европу, под опись принимая дела у германских оккупационных администраций. Начав этот процесс с генерал-губернаторства, то есть Польши, одновременно господин Сталин предъявил ультиматум словацкому диктатору Тисо…

– Так я не понял, мой дорогой Галеаццо, какое отношение к Империи имеет вождь русских большевиков Сталин? – спросил Муссолини.

– Как предполагают некоторые наши друзья в Берлине, на самом деле первой жертвой Империи стала совсем не Германия, – сказал граф Чиано, – а как раз большевистский режим в России – он капитулировал перед пришельцами из космоса ради получения помощи против вторжения вермахта. Когда уже казалось, что все рухнуло, господина Сталина возвели на высокую гору и показали все царства, земные и небесные. И, в отличие от Христа, он не отказался – и для Германии все покатилось в тартарары, а Империя в лице Советов обрела в нашем мире точку опоры. Большевики и пришельцы слились в таком горячем экстазе, что сейчас уже сложно понять, где начинается одно и кончается другое. Потом, когда Германия потерпела военное поражение, лишилась своего фюрера и также была приведена на грань отчаяния, германским генералам тоже поступило предложение, мимо которого они не смогли пройти безразлично… Это похоже на ком снега, катящийся с горы: с каждым оборотом он набирает все большую и большую массу, постепенно превращаясь в сметающую все на своем пути лавину.

– И вы считаете, что с нами поступят так же, как с Германией? – понизив голос, спросил Муссолини.

– Хуже! – сурово ответил граф Чиано. – Если мы отвергнем этот ультиматум, с нами больше не будут разговаривать. Ведь вы сами настояли на том, чтобы

Италия объявила войну России одновременно с Германией. Отказ урегулировать эту ситуацию на имперских условиях будет означать войну на уничтожение до победного конца. Уже сейчас большевики и имперцы могут организовать нам серьезные проблемы, доставляя оружие и инструкторов Коминтерна коммунистическим бандитам в Югославии, Албании и Греции. Если этого будет недостаточно, то антифашистское повстанческое движение, состоящее из разного рода недовольных вашим правлением людей, может быть создано даже у нас в Италии. Ну а потом сюда через Югославию и Венгрию придет регулярная Красная Армия и окончательно зачистит все, что останется. Впрочем, все может быть проще и страшнее – в таком случае с вами случится то же, что и с Адольфом Гитлером. Внезапный имперский десант – сюда, или в любое другое место, где вы надумаете укрыться – и для вас все будет кончено… Меня специально предупредили, что у Империи абсолютная разведка: решительно невозможно скрыться от ее всевидящего ока или его обмануть.

Дуче нервно сглотнул. В нем нарастал протест. Впрочем, одновременно с возмущением им овладевало отчаяние, какой-то смертный, липкий ужас, который ему никак не удавалось задавить. Он ощущал себя повисшим на краю пропасти. И одновременно с этим в ушах его стоял звон разбившихся надежд и честолюбивых мечтаний…

– Невозможно как раз-таки выполнить эти имперские требования! – как актриса в театре всплеснул он руками. – Если я дам власть левым, как они требуют, то меня и всех, кто мне дорог, тут же развесят как деревянных кукол на веревочках!

– Воля ваша, – как-то отстраненно пожал плечами граф Чиано, – но имейте в виду: если вы отвергнете этот ультиматум, то мы с супругой и детьми переберемся из Италии в какое-нибудь более спокойное место. В свете того, что здесь начнется через месяц, так будет лучше для всех. Вы же не хотите, чтобы ваша дочь и внук погибли в развязанном вами кровавом хаосе – ибо сопротивляться пришельцам, когда они хотят добиться своего, дело совершенно безнадежное… Думаю, что моему примеру последуют многие и многие. Перед лицом неодолимой силы вас предадут ближайшие соратники. В лучшем для вас случае они на Большом Фашистском Совете проголосуют за вашу отставку с поста дуче, в худшем же варианте вас ждет яд в вино или кинжал в спину…

После этого заявления своего зятя Муссолини воздел кулаки к небу; его рот скривился, в горле застрял хрип. Что-то кольнуло в груди, и сердце стало биться

неровно и напряженно. На мгновение дуче замер, прислушиваясь к своим ощущениям, не предвещавшим ничего хорошего. Однако его вскоре отпустило – и он принялся метаться по комнате словно тигр по клетке, выплескивая наружу свое возбуждение. Он был бледен и тяжело дышал, при этом глаза его как-то лихорадочно блестели.

– Ну хорошо, мой дорогой Галеаццо! – воскликнул дуче, наконец остановившись, – попробуйте разъяснить мне, ЧТО БУДЕТ, если я все же выполню предъявленный мне имперско-большевистский ультиматум. Пока мне кажется, что это приведет к тому же кровавому хаосу, только без всякого сопротивления с нашей стороны.

– Если вы выполните этот ультиматум, мой дорогой тесть, то ничего особенно плохого не будет, – пожав плечами, ответил граф Чиано. – Кровавый хаос – это последнее, к чему стремится Империя, в том числе и в Италии.

– Тогда я не понимаю, зачем им нужно выпускать на свободу всю эту свору левых! – воскликнул Муссолини. – Ведь коммунисты – это хаос в чистом виде, и их союзники, левые социал-демократы, не намного лучше. Их требования – это просто ликвидация нашего корпоративного государства и потакание самым низменным запросам простонародья!

Граф Чиано отметил, что его до сей поры могущественный тесть выглядит довольно жалко, напоминая затравленного зверя: какой-то растрепанный, в глазах испуг… и даже руками взмахивает как-то нелепо. Куда делась вся внушительность блистательного дуче? Это было гаденькое чувство, и синьор Галеаццо отвел глаза и стал переминаться с ноги на ногу.

– Мой дуче, – слегка прокашлявшись, терпеливо произнес он, – вы не понимаете, что у Империи на наше простонародье совершенно иная точка зрения. Война в Галактике – неважно, освободительная она или завоевательная – это весьма масштабный проект, и в нем нет места неграмотным солдатам с винтовками и чернорабочим с кирками и мотыгами. Обязательное среднее образование для всех классов и университеты для способных осилить их программу – это в таких условиях не роскошь, а прямая необходимость. Как мне объяснили, за несколько десятков (максимум сотню) лет нам предстоит пережить несколько этапов промышленного развития, на что в иных условиях потребовалось бы не меньше тысячелетия. Другим способом задача противостоять развитой космической цивилизации не решается. В таких условиях имперцам потребуется каждый

инженер, каждый ученый, врач или агроном, которого только возможно выучить, исходя из умственных способностей нашего населения. В этом они полностью сходятся с большевиками, двадцать лет назад начинавшими решать идентичную задачу. И в то же время, в отличие от большевиков, Империя признает необходимость наличия в государстве частной собственности, которую можно передавать по наследству, а также пагубность всяческой классовой борьбы. В воюющем государстве это исключено. Вместо забастовок и локаутов существует весьма суровое по отношению к обеим сторонам трудовое законодательство, а верховным арбитром при возникновении споров считается сам император, стоящий над кастами, стратами, сословиями и классами. И горе тому, кто вызовет его гнев.

– Хорошо, хорошо, мой дорогой Галеаццо! – замахал руками Муссолини, – звучит все это красиво, но мне кажется, что мы уклонились от темы. Даже если вы и правы, это не меняет буйного и легкомысленного характера нашего народа. Если мы открутим все гайки сразу, как хотят господа из Империи, то у людей попросту сорвет крышу, и тогда хаос придет к нам сам, без всякой помощи извне!

– Дорогой тесть, позвольте дать вам совет, – сказал граф Чиано, – поскольку условия ультиматума не требуют их немедленного исполнения, то прежде чем что-нибудь предпринимать, прикажите доставить сюда, в Рим, находящихся в заключении вождей оппозиционных партий, а потом, в их присутствии, вызовите Империю на прямые переговоры. И чем скорее вы это сделаете, тем лучше. Если кто и способен заставить этих людей вести себя прилично и соблюдать достигнутые соглашения – так это пришельцы из космических далей. Меня заверили, что верность своему слову – для них что-то вроде религии. Но бойтесь обмануть их ожидания. Клятвопреступление с их стороны считается ужасающей мерзостью, и кара за это чрезвычайно сурова.

– Хорошо, мой дорогой Галеаццо! – закивал Муссолини, – вы меня уговорили – мы так мы и сделаем. А теперь идите, мне надо немного подумать…

24 сентября 1941 года, ранее утро мск. Околоземная орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Бывший сербский наследный принц Георгий Карагеоргиевич.

Сон и в самом деле оказался счастливым. В нем я снова был молодым и красивым наследником сербского престола, приехавшим в Санкт-Петербург по какому-то важному делу… Только на русском престоле почему-то сидел не трусоватый и глуповатый император Николай, а его отважный и умный брат Михаил, и окружали его не подхалимы и блюдолизы, а талантливейшие люди Российской Империи. И все время, пока я смотрел этот сон, меня не отпускало впечатление, что теперь все будет хорошо, наши враги окажутся разгромленными, а Сербию ждет невиданное процветание.

Я проснулся со счастливой улыбкой на устах, а когда вылезал из саркофага, то вдруг понял, что имперская чудо-машина сделала так, что у меня ничего не болит, а тело испытывает легкость и прилив сил. Как в молодые годы, мне хотелось бегать, прыгать, фехтовать на саблях и вплавь форсировать бурные зимние реки. Чудеса имперской науки! Однако у меня осталось ощущение, что этот сон был не просто сном, которые обычно надолго не запоминаются, а чем-то большим, картинкой из иной жизни, которую я прожил в каком-то ином мире. Ведь само явление к нам «Полярного Лиса» доказывало, что миров вроде нашего гораздо больше, чем один. Я бы хотел обсудить этот сон, но не с медиумом, гадалкой или толковательницей сновидений, а с кем-нибудь из имперских специалистов, способным дать строго научное объяснение.

Но пока я не был готов к такому разговору, а потому со всей возможной вежливостью лишь поблагодарил госпожу главного доктора за поправку своего здоровья. Она ответила, что не нужно благодарностей и что целить людей – ее забота, но, уже прощаясь, вдруг сказала, что если я поступлю на службу Империи, то для их науки не составит труда вернуть мне бездарно потраченные пятнадцать-двадцать лет возраста из уже прожитых мной пятидесяти четырех. Ужасно смущающее и соблазнительное предложение – фактически прожить жизнь сначала, снова превратившись в мужчину в самом расцвете сил…

И в таком состоянии, смущенный и растерянный, я оказался перед лицом господина Малинина, командира этого космического крейсера и исполняющего обязанности регента императорского престола. Это оказался железный человек, буквально женатый на своей службе. Только такой командир – победивший германский орднунг своим еще более сильным имперским порядком, – был способен внушить священный ужас германскому генералитету – а эти люди становятся покладистыми, когда с ними разговаривают на родном для них языке: «айне колонне марширен, цвайне колонне марширен…», а в итоге их ждет полный разгром и капитуляция.[8 - С Ватилой Бе Георгий Карагеоргиевич

на этот раз не встречался и потому относит все события на советско-германском фронте на счет каперанга Малинина.]

Мы уселись друг напротив друга за столом в его командирском кабинете, и господин Малинин ошарашил меня тем, что сразу предложил мне службу Империи. Он сказал, что это необходимо в интересах моего же собственного многострадального народа. Статус этой службы для меня пока не был определен, но в любом случае действовать мне предлагалось именно в интересах Сербии, и тем самым – Империи в целом. При этом даже не обсуждалось, что Сербия войдет в состав Империи на правах национально автономной и политически интегрированной части. Плюс ко всему словия жизни сербов от их интеграции в Империю только улучшатся. Маленькую Сербию (даже если она, объевшись чужих земель, стала Югославией) обидеть может каждый вооруженный проходимец. Зато когда она окажется в составе русской галактической империи, безопасность ее гарантирована. Сербам предоставят достаточную внутреннюю автономию, чтобы они оставались сами собой. И в то же время нерасторжимое единство внешнего военно-политического союза гарантирует, что больше никто – ни турок, ни австриец, ни венгр или итальянец – не посмеет и мечтать о том, чтобы снова поработить наш народ …

А еще я узнал, что обнаружили меня не потому, что я некогда принадлежал к правящей семье (просто я неправильно понял слова господина Вуйкозара Пекоца), а потому, что мое мышление демонстрировало признаки неких императорских способностей второго класса. Членов различных правящих семейств в Европе как собак нерезаных, а вот людей, которым можно доверить управление той или иной страной, гораздо меньше. От происхождения эти способности практически не зависят, но в Империи обладающие ими люди считаются величайшей ценностью. Поэтому, сказал мне господин Малинин, не будете ли вы, господин Джоржи, так любезны употребить то, что вам дано от рождения, на благо собственного народа? Королевского трона вам при этом никто не предлагает, свое место в сербской политической жизни вы найдете сами, но быть частным лицом для вас слишком большая роскошь. И вообще – ведите себя попроще, но с достоинством, и люди к вам потянутся, а уж мы проследим, чтобы никто не посмел вам помешать в благих делах.

Я подумал – и согласился на это предложение, после чего господин Малинин снова направил меня к господину Пекоцу. Как оказалось, этот весьма достойный офицер, который только кажется легкомысленным весельчаком, был назначен, как тут говорят, «куратором балканского вопроса», и потому именно с ним мне и

предстояло работать ближайшее время. И вот как раз от него я с удивлением узнал, что новые законные власти Сербии Империя намеревается вылепить из прокоммунистических повстанцев – так же, как Творец вылепил Адама из красной глины…

– Но как так можно? – спросил я, когда прошел первый шок, – ведь эти люди являются ниспровергателями всех основ и разрушителями государства…

– Ваше государство Сербия уже разрушено, – резко, как отрезал, ответил мне господин Пекоц, – и сделали это отнюдь не коммунисты. Теперь его придется воссоздавать сызнова, и лучше бы не повторяя старых ошибок. Пойми, Джоржи: власть, которую держал в своих руках клан твоего брата, в ходе постигших ее испытаний обанкротилась даже чуть более чем полностью. Дело, начатое с подлости, никогда не обернется ничем хорошим. Твой брат после прошлой войны нахватал земель с чуждым вам населением, даже не представляя, что со всем этим делать дальше. Те же Хорватию и Словению лучше было бы сделать независимыми государствами, а не присоединять к вашей Сербии. То же можно сказать о Македонии, иначе именуемой у вас Вардарской Бановиной. Твой брат просто украл этот регион у болгар и в результате получил уже три братоубийственных сербо-болгарских войны. Разве же этого мало?

Я попробовал было возмутиться и сказать, что хорваты, словенцы и македонцы, и даже мусульмане-бошняки, так же, как и черногорцы, являются неотъемлемыми частями единого сербского этноса… Но господин Пекоц молча расстелил передо мной карту[9 - Применение продвинутых форм подачи информации вроде анимированных голограмм было нежелательно, ибо в таком случае у экс-принца слишком много нервной энергии ушло бы не на восприятие информации, а на адаптацию к способу ее подачи.] Балкан, которая, как мне показалось на первый взгляд, была беспорядочно изляпана разноцветными пятнами, будто на ней пробовал краски сумасшедший художник.

– Это данные глобального психосканирования вашего балканского региона, – сказал он. – Я, конечно, не социоинженер, но закончил полный курс Академии, а там социотектонику преподают на весьма серьезном уровне. Вот эти цвета означают этническую самоидентификацию вашего населения, красные линии – уровни конфликтного потенциала, а черные стрелки – то, к какой внешней стране тяготеет та или иная этническая составляющая вашей бывшей Югославии. Смотри сам… а на мой взгляд, картина и так писана маслом.

Я посмотрел – и поверил в то, что он говорил. И дело было даже не в мощи имперской науки и техники, которые вот так, походя, вскрыли всю нашу балканскую подноготную. Поверил я самой личности моего собеседника – уж он-то не будет мне врать и изворачиваться. Если обычно этот человек напропалую сыпет шуточками самого сомнительного толка, то в тот момент он сидел передо мной абсолютно серьезный. А мне и вправду было не до шуток. На представленной карте красные линии межэтнических противоречий делили мою страну на части, а черные стрелы дополнительно разрывали ее на куски. Македонцы при этом тяготеют к болгарам, хорваты – к австрийцам, словенцы – к итальянцам. Бошняки, не забывшие османскую империю – к туркам. Албанцы – к Албании, а сами сербы и черногорцы – те самые, что по замыслу моего брата должны стать ядром государства – подсознательно стремятся воссоединиться с Россией, или, в данном случае, с Советским Союзом, поскольку это обещает им безопасность. А это значит, что любой правитель, если не захочет потерять власть[10 - Именно по этой причине вожди стран-лимитрофов, население которых тяготеет или тяготело к России, ради сохранения своей власти иррационально ищут поддержки у прозападно ориентированных кругов. А то, в самом деле, случится в Белоруссии референдум на манер крымского – и г-н Лукашенко вдруг обнаружит, что он бывший президент, отныне просто безработный.], не сможет до конца опираться на сербо-черногорское национальное ядро своего государства, и, чтобы усидеть на троне, будет вынужден балансировать между враждебными друг другу этническими компонентами своего государства. И рано или поздно эта эквилибристика приведет к тому, что под воздействием центробежных сил все разлетится вдребезги…

Нет, о чем-то подобном я и раньше отчасти догадывался, но одно дело – иметь смутные подозрения, и совсем другое – подтверждающие их научные выкладки.

– И что же нам делать? – спросил я, расстроившись от того, что мне довелось узнать неизбежное.

– Главное – не пытаться мочиться против ветра, – ответил тот. – Дурацкое занятие. Прежде всего необходимо переустроить ваши внутренние границы в соответствии с этой картой, чтобы окраинные народы, уходя из вашей Югославии, не прихватывали с собой изрядную толику сербского населения. И коммунистам тут как раз и карты в руки. Во-первых – они по своей сути борцы за более справедливое мироустройство. Во-вторых – они никак не связаны с режимом вашего брата и не несут ответственности за его грехи. А прежним

властям ваш народ уже не верит: это мы видим как по психосканированию, так и по тому, сколько добровольцев пошли в коммунистические партизаны, а сколько – в четники к господину Михайловичу. К тому же слишком многие ваши бывшие генералы и начальники (такие как господин Недич) пошли служить дейчам; другие же (как тот же господин Михайлович) выступают проводниками влияния государства Британия. А это уже полный распад и развоплощение, потому что ничего национально-сербского эти господа не отстаивают, сражаясь исключительно за интересы своих иностранных хозяев. Нам у вас в Сербии не нужно никакого британского влияния – в первую очередь потому, что продолжение существования вашего народа отнюдь не является прямой необходимостью для этих ушлых любителей соблюдать только собственные интересы. Если британцам это покажется выгодным, то они чужими руками истребят сербов с той же легкостью, с какой их американские кузены перебили американских индейцев.

– Да, скорее всего, это так, – со вздохом признал я и спросил: – Так все же, Вуйкозар, что ваше командование собирается со всем этим делать?

– Вопрос уже решен, – безапелляционным тоном ответил тот, – ваши сербские коммунисты на руинах былой Югославии воссоздадут новые национальные регионы, правильные границы которых будут гарантировать, что все сербское будет сербским, македонское – македонским, хорватское – хорватским, а словенское – словенским. А дальше будут плебисциты, по итогам которых, скорее всего, Сербия и Черногория войдут в состав страны Эс-Эс-Эс-Эр, Македония воссоединится с Болгарией, и уже вместе с ней войдет в состав Советского Союза, а Словения и Хорватия напрямую войдут в состав Империи. При этом Словения, где сильно партизанское движение, войдет в Империю как долгожданная и любимая сестра, а злую тетку Хорватию, залившую свою землю сербской кровью, введут туда как оккупированную враждебную территорию, население которой нуждается в значительном контроле и социальной трансформации. По-другому последствия того, что творят сейчас представители этого народа, не исправить. Имперским комиссарам в таких случаях следует быть суровыми, неподкупными, но справедливыми, добиваясь от представителей преступной нации глубочайшего покаяния и осознания своей вины.

– Но почему же вы не примените те же суровые правила к Германии, которая виновна во всем во много раз больше, чем бедная маленькая Хорватия? – спросил я. – Неужели хорваты провинились только тем, что отвергли славянское первородство, причислив себя к арийской расе?

– Хорваты провинились тем, что большинство населения в этой стране поддержало абсолютно нечеловеческий, людоедский и инфернальный режим господина Павелича, – ответил Вуйкозар Пекоц. – Все они рассчитывали извлечь пользу из массовых убийств, предполагая получить имущество, дома и земли убитых сербов. Поэтому и наказывать надо всех, разумеется, за исключением тех личностей, которые боролись против этого кошмара с оружием в руках – а это в основном были хорватские коммунисты. Тех, кто совершал злодеяния над мирным населением и военнопленными, следует судить и казнить, а остальные будут находиться под жестким имперским контролем до тех пор, пока эта националистическая дурь не выйдет из них полностью. Империи безразличны раса, нация и другие особенности человека или иного разумного существа, но только до той поры, пока он не начинает обосновывать чувство собственного превосходства. Надеюсь, это тебе понятно?

– Да, понятно, – сказал я, – но ведь в Германии все то же самое…

– А теперь о Германии, – кивнул господин Пекоц. – Там мы собираемся уничтожить только тех немцев, кто задумывал и осуществлял военные преступления, вроде того же генерала Франца Беме. Они все будут судимы и приговорены к смерти, а их ближние родственники поражены в правах. Для них останется лишь один путь – совершать подвиги во славу Империи, тем самым вымаливая себе прощение. Но так можно и погибнуть, хотя Германии эта потеря будет как слону дробина. Слишком небольшой процент населения непосредственно участвовал в наказуемых деяниях. Но с Хорватией совсем другая история. Мы не можем поступить с ней так же, как и с Германией, потому что хорватские солдаты категорически непригодны к совершению подвигов на поле боя. Все, на что они способны – это издеваться над мирным населением и охранять склады. К тому же отличаются причины, по которым эти народы встали на путь служения злу. У немцев это причина краткосрочна и уходит в прошлое не более чем на пару десятилетий, а вот в Хорватии корни зла глубже и фундаментальнее, а потому лечить их следует более долговременными средствами. Но это, дорогой Джоржи, уже будет не вашей заботой, ибо вас мы попросим заниматься исключительно сербами.

После этого разговора, в ходе которого я постепенно проникся тем, что мне предстояло сделать, господин Пекоц начал обучать меня обращению с различными имперскими приспособлениями: телефонами, которым не были нужны провода, а также тем самым психосканером. Жутковатое ощущение – посмотришь с вниманием на какого-нибудь незнакомца, и уже знаешь все его

мысленные реакции и, самое главное, собирается ли он тебя обманывать. При этом важно смотреть на человека пристально, сосредотачивая на нем все внимание, а если просто мазнуть по кому-то взглядом, то ничего и не произойдет.

А производит эти чудеса эдакая металлическая штучка размером с таблетку – она крепится под волосы у виска при помощи липучки. Господин Пекоц называет это «индукционным линком». Имперским офицерам похожую штуку, только без липучек, вживляют прямо в мозг еще при выпуске из училища. Для меня это за пределами границы восприятия, а они к этому привыкли и считают сие вполне нормальным: раз эта штука необходима для службы, значит, так тому и быть. И ведь нужная же вещь при знакомстве с новыми людьми или во время переговоров. Узнать точно, что человек думает, нельзя, но можно определить, какие чувства он к тебе испытывает, говорит ли он то, что думает, или пытается лгать.

Как только этот «индукционный линк», будучи приклеенным к моей голове, заработал в полном объеме, я первым делом пристально посмотрел на господина Пекоца и тут же получил удовлетворяющий меня ответ. «Это друг, – услышал я в голове бесплотный голос, – он испытывает к тебе симпатию, ничего от тебя не скрывает и говорит только правду.» Получается, первое предчувствие меня не обмануло, и господин Пекоц, как говорил Маугли, действительно оказался человеком одной со мной крови. А еще я узнал, что он действительно уверен в том, что ради блага Сербии власть в ней необходимо отдать коммунистам, и на это у него имеются вполне веские основания, мне, правда, пока неизвестные.

Потом меня наскоро представили представителям господина Сталина генералу Болдину и господину Громыко. Генерал Болдин был прославлен тем, что под руководством господина Малинина устроил германцам кровавый танец смерти на тыловых дорогах, что сорвало их наступление. Русские войска, которые немецкие генералы считали разбитыми, вдруг накинулись на них в самом уязвимом месте и в мгновение ока превратили их победу в поражение. Сначала я недоумевал: ведь генерал Болдин даже через психосканер совсем не выглядел человеком, способным переиграть прославленных германских генералов. А потом я понял. Идеальный Исполнитель, он сумел ничего не испортить, выполняя команды инопланетных специалистов, для которых вовсе не существовало «тумана войны». Точные и предельно смертоносные решения надо было исполнить, не отклоняясь ни на йоту, что у русского генералитета всегда

получалось неважно. Еще я подумал, что, скорее всего, то сражение было пиком его карьеры, и в Сербию Иван Васильевич едет исключительно в роли свадебного генерала.

Господин Громыко при взгляде через психосканер оказался птицей совсем другого полета. Этот совсем еще молодой человек, служащий по дипломатической части, обладал множеством талантов, и через это имел полное доверие своего вождя. Ведь господин Сталин, несомненно, тоже пользовался психосканером и точно знал, кто из его людей чего стоит. В какой-то момент я был даже польщен, что такого молодого и, несомненно, талантливого господина посылают именно к нам в Сербию и это станет первой ступенькой в его карьере. Но размышлять дальше на эту тему я не стал, решив повнимательнее наблюдать за господином Громыко в процессе его работы. Ведь не зря мне дали этот «индукционный линк» – наверняка для того, чтобы я использовал доступ к возможностям космического крейсера на благо родной Сербии.

Последним к нашей компании (под конвоем) присоединился генерал Франц Беме. И хоть на его лице не было видно ни синяков, ни кровоподтеков, вид у него был такой, будто старательная хозяйка долго стирала его в тазу со щелоком, полоскала и выжимала, а потом развешивала на просушку. Как сказал господин Пекоц, этого типа везли в подарок властям молодой Сербской Советской Республики, чтобы они смогли потренироваться на его особе, как правильно судить и казнить военных преступников. Ну и еще требовалось показать всем, в том числе и хорватам, что ни один, даже самый высокопоставленный деятель оккупационного режима, не избежит ответственности за совершенные злодеяния.

Шаттл вылетел в рейс сразу, как только пленный немецкий генерал вместе со своей охраной из людей господина Пекоца оказался на борту. Полет до городка Ужице, где располагалась столица так называемого «партизанского края», продолжался чуть больше часа, и все это время я честно продремал в кресле. В аппарате пришельцев отсутствует такая роскошь как окна, и сон в полете показался мне наилучшим времяпрепровождением.

24 сентября 1941 года, утро. Югославия, партизанская Ужицкая республика, город Ужице, Верховный штаб Народно-освободительных партизанских отрядов Югославии.

Приземление имперского шаттла на площадь перед храмом Святого Георгия вызвало у жителей города фурор не меньший, чем схождение того же святого с небес на землю. Красные звезды на складывающихся плоскостях и хвостовом оперении говорили о том, что этот аппарат прилетел из СССР, а возможность вертикально и абсолютно бесшумно и не поднимая пыли опуститься на землю, свидетельствовала о его инопланетном происхождении (кое-кто из горожан слушал радио Коминтерна и делился информацией со своими соседями). Но когда раскрылся кормовой люк, то оттуда пред взоры затаившей дыхание публики появилось отнюдь не серокожее инопланетное чудовище (как описывала вражеская пропаганда), а вполне обыкновенный мужчина в полевом камуфляже нового (имперского) образца со знаками различия подполковника: три шпалы в малиновых петлицах. Кроме того, он поприветствовал сбегающийся народ на вполне понятном сербском языке: «Здраво другови!» (Здравствуйте, товарищи) – и это было так неожиданно, что люди притихли и лишь изумленно переглядывались между собой.

Конечно же, это был неутомимый зубоскал и изобретательный пакостник (для тех, кто становился объектом приложения его профессиональных талантов) прежде капитан имперских егерей, а ныне подполковник ОСНАЗа РККА Вуйкозар Пекоц. Подчиненного ему егерского батальона, при благоприятствующем к стране Эс-Эс-Эс-Эр настроении в народе, хватит для того, чтобы поставить на уши достаточно большую страну. А если страна небольшая – то и вовсе сменить в ней власть без всякой посторонней помощи. А настроения в сербском, и черногорском народе вполне просоветские. Главное – ничего не испортить, – а это может произойти, если «на хозяйство» поставить не того человека.

Следом из темноты раскрытого люка появился советский старший командир со знаками различия генерал-лейтенанта РККА (Иван Болдин), а за ним – молодой мужчина в штатском костюме (Андрей Громыко).

Товарищ Сталин решил, что командарм из генерала Болдина весьма посредственный, но зато у того имеется солидный опыт зафронтовой работы с формированиями, мало отличающимися от партизанских. К тому же сербские братушки – в какой-то степени большие дети. Их самолюбию должно льстить, что в качестве своего военного представителя Сталин прислал к ним прославленного боевого генерала, героя Слоним-Ивацевичского сражения, сумевшего вдребезги разгромить вторую панцергруппу Гудериана и здорово потрепать четвертую армию генерала фон Клюге. К тому же во время этих своих подвигов генерал Болдин из всех имперских товарищей наиболее тесно

взаимодействовал как раз с Вуйкозаром Пекоцем и его егерями, поэтому их сложившейся команде и карты в руки.

Что касается Специального представителя Верховного Главнокомандующего (в ранге Полномочного Посла) Андрея Андреевича Громыко, то ему была поставлена задача легитимировать управляющий Ужицкой республикой Главный народно-освободительный комитет Сербии и превратить его во Временное Югославское Правительство Народного Единства. А то стоит немцам тихо уйти из Белграда (что случится в самое ближайшее время) – и из всех щелей повылезут разные юркие особи с криком: «мы здесь власть!». Именно ради того, чтобы случайным образом не заполучить на Балканах влезших туда настырных британцев, эвакуация немецких гарнизонов из Греции и Югославии была приостановлена на неопределенный срок. Сначала Южному фронту требуется выбить румынскую пробку, потом нужно уговорить болгарского царя без боя пропустить Красную Армию к Черноморским Проливам, Югославии, Албании и Греции, и только после этого немцы тихо-мирно могут сдавать позиции подошедшим частям РККА, грузиться в поезда и ехать к себе нах фатерлянд… Впрочем, территории, лежащие в стороне от магистральной железной дороги, по которой и будет проводиться эвакуация, предполагалось освободить от немецкого присутствия в ближайшее время – а это опять же требовало формирования легитимных местных органов власти, и именно об этом Андрею Андреевичу предстояло говорить с местными сербскими партийными руководителями…

Тем временем на площади, помимо обычных горожан, появились первые представители местного коммунистического начальства. Сначала пришли (даже, можно сказать, прибежали, ведь спуск шаттла на маленький городок в горах видели все) Председатель Главного народно-освободительного комитета Сербии Драгойло Дудич (местная «мы здесь советская власть») и секретарь ЦК Компартии Сербии Благое Нешкович. И только потом вслед за ними стали подтягиваться командиры местных партизанских отрядов, составляющие тот самый верховный штаб партизанского движения.

Что касается Иосипа Броз Тито (Генерального секретаря Компартии Югославии и главнокомандующего Народно-освободительными партизанскими отрядами Югославии), то он с конспиративной квартиры в Белграде уже исчез (еще до того, как Вуйкозар Пекоц провел операцию по изъятию Франца Беме), но в Ужице пока не появлялся. Воистину неисповедимы извилистые пути подпольного функционера, которого при перемещении из пункта «А» в пункт

«Б» ожидают опасности ареста и бессудного расстрела… При этом охотятся за товарищем Тито не только и не столько немцы (которым этот человек стал по большому счету безразличен), а жандармы и полицейские коллаборационистского правительства генерала Недича и стакнувшиеся с ними на фоне нелюбви к коммунистам четники Михайловича. Вуйкозар Пекоц тоже очень хотел увидеться с этим человеком, чтобы посмотреть на него, измерить психосканером и попытаться понять, не он ли тот самый червяк в яблоке, выгрызающий партизанское движение изнутри. Но этого момента еще нужно дождаться, а пока придется иметь дело с теми, кто уже на месте.

Первым к спустившимся с неба гостям подошел Драгойло Дудич, человек авторитетный, волевого склада и в то же время достаточно пожилой (54 года).

– И вам тоже здравствовать, товарищи, – сказал он, пожимая руку. – Я Драгойло Дудич, председатель Главного народно-освободительного комитета Сербии, а мой товарищ – это Благое Нешкович, секретарь ЦК Компартии Сербии. А теперь скажите, кто вы такие и с какой целью к нам прибыли?

В ответ представился старший командир со знаками различия советского генерал-лейтенанта.

– Я – глава советской военной миссии Иван Болдин, – сказал он, – а это – мои помощники: подполковник частей особого назначения Вуйкозар Пекоц и специальный дипломатический представитель товарища Сталина Андрей Андреевич Громыко…

– Вы Иван Болдин? – с несколько ошарашенным видом переспросил Драгойло Дудич. – Я вас правильно понял? Вы – тот самый советский генерал, который в сражении у селения Ивацевичи разгромил самого Гудериана?

– Вы мне льстите, – ответил тот, – я действительно командовал в сражении под Слоним-Ивацевичами зафронтовой группой войск с правами отдельной армии, да только та победа – результат труда множества людей, включая присутствующего здесь Вуйкозара Пекоца. Это его егеря сделали так, что немцы с дороги даже посрать в кусты отходили не меньше чем взводом, а уж обойти наши позиции лесом для немецкой пехоты и вовсе было невозможно. Туда пойдешь – обратно не вернешься…

Вуйкозар Пекоц добавил:

– Сходство задач в Слоним-Ивацевичской зафронтовой операции и здесь, в Югославии диктует то, что к вам прислали именно нас с Иваном Васильевичем, а не кого-нибудь еще. Ваши главные бои еще впереди, и мы вам в них чем сможем, тем поможем.

– Но погодите… – сказал Благое Нешкович, – мы думали, что раз Германия капитулировала, то война уже закончилась…

– Для вас, как для коммунистов, товарищ Нешкович, настоящая война только начинается, – сурово произнес Громыко. – Хотя нам удалось победить Германию и привести ее в лагерь своих союзников, от нее остались сателлиты: Венгрия, Румыния и Болгария, и к ним сейчас тянут руки британцы, обещающие реакционным режимам в этих странах свою помощь в борьбе против Советского Союза. Кроме того, ваша Югославия разгромлена и расчленена. В настоящий момент на ее территории, кроме ваших революционных партизанских отрядов, существуют: коллаборационистское правительство генерала Недича, отряды четников полковника Михайловича, представляющие интересы короля Петра и подчиняющиеся англичанам, а также нацистское хорватское псевдогосударство военного преступника Анте Павелича. Вы жестоко ошибаетесь, если думаете, что эти люди добровольно отдадут вам имеющуюся у них власть, а англичане не воспользуются сложившимися обстоятельствами, чтобы в очередной раз вставить палки в колеса мирового коммунизма. Ничего особенного при этом они не добьются, но лишней сербской крови прольется немало, особенно если все антикоммунистические силы объединятся с целью развязать в Югославии полноценную гражданскую войну.

Сербские товарищи переглянулись – и Драгойло Дудич, на правах старшего по возрасту, спросил:

– Скажите, товарищи, а что конкретно вы предлагаете для того, чтобы избежать описанных вами опасностей?

– Во-первых, – сказал Громыко, – вы должны превратить свою пока что игрушечную Ужицкую республику в полноценный зародыш Советской Социалистической Сербии, с которой мы могли бы установить полноценные межгосударственные отношения, а потом и принять в состав Союза Советских

Социалистических Республик. Ну а о втором, третьем, пятом и десятом разговаривать нужно не здесь, на площади, а в более подходящем месте…

– Скажите, а без вхождения в состав Советского Союза нельзя? – вздохнул Благое Нешкович. – А то многие у нас не поймут такого решения, скажут, что коммунисты за просто так отдали независимость, выстраданную сербским народом за столетие кровавой борьбы…

– Нет! – отрезал Громыко – да так, что почувствовалось, что это не его мнение, а непосредственно Советского Вождя, – без вхождения в состав Советского Союза для вас нельзя. Когда ваша Сербия в одиночестве, завоевать ее с легкостью сможет любая крупная держава: хоть Турция, хоть Австро-Венгрия, хоть Германия или даже слабосильная Италия. А вот когда сербы будут в составе нерушимого союза свободных народов – тогда им и сам черт будет не брат. Кроме того – неужели у вас есть такие люди, которые держат нас, советских русских, за каких-то жестоких угнетателей, вроде турок и австрийцев?

– Это не совсем так… – вздохнул Драгойло Дудич и как-то смущенно покашлял, – мы знаем, что русские братья никогда нас не бросят. Да только до нас дошли сведения, что Советский Союз сам стал частью некоей Галактической Империи, и теперь до конца не свободен в своих решениях. Среди нас есть люди, опасающиеся, что правящие этой империей инопланетные чудовища окажутся даже более жестокими угнетателями, чем турки с австрийцами вместе взятые…

– Ну что ж… – усмехнувшись, сказал генерал Болдин, – в таком случае разрешите представить вам инопланетное чудовище. Вон, подполковник Пекоц, который стоит перед вами собственной персоной – он как раз с того космического корабля, вращающегося сейчас вокруг нашей планеты. Пусть он сам скажет, каково это – быть гражданином тридцатимиллиардного многорасового и многонационального государства, раскинувшегося на восемнадцати планетах размером с нашу Землю…

– О да! – сказал Вуйкозар Пекоц, делая шаг вперед и обводя толпу взглядом иронично-лучистых глаз. – Империя – это как раз то, за что стоит сражаться! Когда мы, люди, жили поодиночке в своих карликовых государствах на отсталых планетах, то были легкой игрушкой враждебных сил, которые делали с нами все что хотели. Потом в Галактику пришла Русская Галактическая Империя и сделала всех равными перед законом: и вчерашних хозяев жизни, и тех, над кем они издевались на протяжении столетий. Это долгая история, но все мы:

венеды-склавены, гиуры-хунну, тарданцы, ханаанцы, латины, лейанцы, франконцы-дейчи и франконцы-англы, темные, светлые и серые эйджел, горхи, сибхи и многочисленное потомство от смешанных браков – продолжая оставаться самими собой, в то же время являемся русскими, если не по крови, то по духу. В моей роте, которая тут за счет сибирских лесовиков была развернута в батальон, помимо новороссов, то есть чистокровных русских, имелось минимум по одному представителю от каждой нации. А те, кого вы назвали чудовищами – то представители различных разновидностей расы эйджел, в Империи они занимают важные и почетные, но не руководящие должности. Они учат, лечат, просчитывают последствия той или иной политики – если речь идет о светлых. Летают в кораблях, и находят наилучшие тактические решения – если это темные. А серые эйджел – отличные инженеры. При том, что эйджел значительно умнее обычных людей, среди них не бывает гениев и им не дано испытывать озарения, делать научные открытия и создавать новаторские, ранее не применявшиеся конструкции. Поэтому учеными-исследователями и главными конструкторами работают обыкновенные люди, а эйджел и их полукровки помогают в кратчайшие сроки вылизывать их решения до блеска. Кстати, серые эйджел – такие же фанаты Империи, как и люди, потому что в доимперской галактике они были даже меньше чем никем, а психика темных устроена таким образом, что они ни при каких обстоятельствах не смогут нарушить свои клятвы. Страна Эс-Эс-Эс-Эр и Империя – всего лишь две стороны одной монеты, и от того, что вы крутите ее в руках, поворачивая то одной, то другой стороной, ее ценность не изменится.

Несколько минут висела тишина: в это время каждый пытался осознать услышанное.

– Кажется, то, что вы описали, товарищ Пекоц, называется симбиозом… – наконец как-то осторожно произнес Благое Нешкович, по гражданской профессии врач. – Но скажите – как ваша Империя относится к вопросам частной собственности и эксплуатации человека человеком?

– Большая часть собственности в Империи – или казенно-государственная, или коллективно-общественная, – ответил тот. – Эйджел не признают частной собственности и всем имуществом у них владеют кланы, как социально-юридические единицы. Один клан – один объект недвижимости у светлых или корабль у темных. А дальше все зависит от силы и богатства клана, но в любом случае отношения внутри кланов абсолютно коммунистические. Только если этот клан бедный, то коммунизм внутри него военный или даже

первобытнообщинный, а если богатый – то развитой, такой, о каком мечтали ваши основоположники марксизма-коммунизма. У людей кланов не бывает, но и они порой объединяются в соседские кооперативы, поскольку сообща дела делать гораздо проще. Обычно частным бизнесом, в прямом смысле этого слова обзаводятся выходцы с Франконии и Ханаана, при том, что остальные предпочитают солидарно-кооперативную форму хозяйствования. Что же касается эксплуатации одних разумных существ другими, то Империя относится к этому резко отрицательно и не стесняется применять тяжелую дубину, когда зарвавшиеся хозяева не слушают ее рекомендаций. Работников имперское трудовое законодательство империи защищает от несправедливостей при оплате их труда, а хозяев-предпринимателей – от тех деятелей, кто недобросовестно выполняет свои обязанности или пытается получить больше справедливой ставки.

Немного помолчав, он добавил:

– Впрочем, други, та Империя, о которой я вам рассказываю, осталась в другом, нашем мире; тут, у вас, от нее только маленькая семечко – один боевой корабль и пятьсот разумных существ разных рас и народов. Новую Империю нам еще предстоит создать и защитить право на нее в тяжелой борьбе, потому что в противном случае сюда придут дикие кланы эйджел, а по сравнению с ними даже Гитлер – всего лишь умственно отсталый мальчик, заигравшийся с плохими игрушками. Но не будем о грустном. Как говорят у настоящих русских: «с пустыми руками в гости ходить не принято» – вот и мы к вам тоже с подарком…

Едва подполковник Пекоц произнес эти слова, как двое бойцов в камуфляже вывели из глубины трюма едва переставляющего ноги человека в помятом немецком генеральском мундире. Он был бледен и жалок. Но при этом вызывал к себе отвращение. Стеклышки его очков тревожно поблескивали, некогда холеная и самодовольная рожа осунулась и выражала испуганное недоумение. Рот его то и дело непроизвольно перекашивался и серые губы тряслись будто от озноба. Он и вправду отчетливо ощущал дующий в лицо смертный холод… А то как же: его, представителя расы господ, внезапно схватили, скрутили, живьем провернули через мясорубку, и теперь отдают на судилище недочеловекам, которые наверняка в своем мстительном торжестве повесят его за шею… а от этого, говорят, умирают…

– Немецкий генерал Франц Беме, кровавый палач сербского народа, доставлен в ваше распоряжение, чтобы народный суд вынес ему суровый, но справедливый

приговор, – прокомментировал это явление Вуйкозар Пекоц. – Будь моя воля, я бы лично распял этого козла в голом виде на лесном муравейнике… Но он убивал ваших братьев, а потому только вам решать, что с ним делать. В случае необходимости мы представим на суд результаты его принудительного ментоскопирования – так называемый Акт Самообвинения, который покажет, что этот человек не просто совершал преступления, но делал это осознанно и даже, более того, творя свои жестокости, он получал от этого удовольствие…

Тем временем конвоиры без особой грубости, но энергично, толкнули своего подопечного в сторону подбежавших вооруженных людей самого партизанского вида. И лишь в этот момент тот окончательно понял, что все хорошее для него в этой жизни закончилось – и заголосил, запричитал, явственно предчувствуя, что тут никто не позволит ему относительно безболезненно уйти из жизни, совершив самоубийство. Кстати, по лицам горожан, плотно окруживших площадь перед церковью Святого Георгия, можно было понять, что идея с муравейником людям понравилась. Имя Франца Беме в Сербии было известно всем, и, отдав этого человека в руки сербского народа, Вуйкозар Пекоц сделал поистине королевский подарок.

Последним из трюма вышел скромный пожилой человек с вислыми усами и поникшими плечами. На его лице читалась усталость от самой жизни, которая длится и длится, не прекращая его мучения. И собравшиеся на площади люди его узнали. Некогда этот человек был молод и красив, считался наследником престола и был храбрым воином, водившим в штыковые атаки сербские полки… При этом он был еще и умен, переписываясь с Анри Пуанкаре по поводу полиноминальных функций. Потом родной брат Александр при помощи тайной организации, контролируемой Драгутином Димитриевичем, составил заговор, сначала отстранивший его от престола, а потом полностью изолировавший от общественной жизнь. Шестнадцать лет персональной психиатрической лечебницы подточили его силы и сломали характер, и только психосканер мог сказать, что где-то под толстым слоем серого пепла еще тлеет былой огонь характера, способного резать правду-матку в глаза королям и президентам. За это его и убрали, ведь неизвестно, кому и что этот человек скажет уже завтра или послезавтра. И вот ведь какая ирония судьбы: освободили его из заточения злейшие враги его родины, но даже у них не понялась рука причинить зло этому гордому и честному человеку.

– А вот этот человек, бывший наследный принц Георгий Петрович Карагеоргиевич, находится под моей защитой и защитой всей Империи, – сказал

Вуйкозар Пекоц, полуобняв бывшего королевича за плечи. – Он так же понимает справедливость, как и мы с вами, и так же переживает за вашу родину Сербию. Не все из вашего народа готовы до конца, без оглядки, погрузиться в коммунистическую идею, и для таких участие в вашей власти опального, но авторитетного королевича придаст ей дополнительную легитимность. Со своей стороны должен сказать, что командование Империи, изучив суть дела, решило, что нынешнее королевское правительство в изгнании является нелегитимным, так как наследует узурпатору престола, покойному королю Александру. Все. Остальное решать уже вам, на плебисците, а также самому Георгию: на каком уровне и с какой ролью он сумеет встроиться в народную власть.

– Ладно, товарищ Пекоц… – вздохнул Драгойло Дудич, – мы поняли, что вы хотите сказать, но это и в самом деле не митинговый разговор. Если у вас в шляпе больше нет сюрпризов, то давайте пойдем в наш штаб и закончим разговор там. А остальных я попрошу расходиться; цирк уехал и представление закончилось.

Тогда же и там же. Бывший сербский наследный принц Георгий Карагеоргиевич.

Сначала мне было немного неуютно выходить из полутемного трюма космического аппарата на всеобщее обозрение людей, называющих себя коммунистическими партизанами. Я думал, что как бывший наследный принц окажусь для них совершенно чужеродным элементом, неким пережитком старины, возвращения которой в Сербию они надеются больше никогда не допустить. Изучив данные психосканирования в разрезе отношения к династии Карагеоргиевичей (и всем другим династиям оптом) я убедился, что эти люди уже утратили доверие к монархическому образу правления и теперь ищут для себя новых путей. Это чувство возможной чуждости по отношению к собственному народу сковывало мои члены и мешало сделать первый шаг. А он был необходим, ибо как я смогу приносить своему народу, если не перешагну сейчас эту невидимую черту.

Но рано или поздно неизбежное должно было случиться. Вот господин Пекоц закончил объяснять местным коммунистам, как это у них называется, «политику партии» – и двое его солдат самым решительным образом вытолкнули генерала Беме на его заслуженную Голгофу. Не могу сказать, что я хоть в чем-то сочувствую этому человеку; он был моим врагом в прошлую войну, остался им и сейчас. По приказу Гитлера он убивал сербов только за то, что те не хотят жить

под немецкой властью, и мне кажется абсолютно справедливым, что Империя не стала судить его своим судом, а отдала в руки сербского народа.

И народ наш повел себя достойно. Я видел это, потому что тихонько вышел вслед за генералом Беме, стараясь быть как можно менее заметным. Люди, плотным кругом обступившие площадь, куда опустился летательный аппарат, не кричали: «распни его, распни!», не бесновались и не плевали в сторону ненавистного им человека. Вместо того они смотрели на генерала Беме в мрачном молчании. Я стал вглядываться в их лица; от усиления внимания заработал психосканер, и я почувствовал эмоции собравшихся на площади ужичан. В настоящий момент ими владели два чувства: скорбь по погибшим и молчаливое предчувствие свершения справедливости. Мы, сербы, слишком часто переживаем скорбь, ибо наша история есть череда сплошных страданий, и редко ощущаем справедливость – так что это чувство оказалось для нас неизведанным.

Тем временем генерала Беме, переданного повстанцам из рук в руки, увели, и я неожиданно для себя оказался главным лицом последующих событий. Господин Пекоц, уже завоевавший у нашего народа некоторый авторитет и доверие, вывел меня в центр всеобщего внимания и сказал, что Империя желает, чтобы я тоже стоял у истоков возрождения Сербии. Никаких уверток и интриг: все было сказано прямо в лоб, – и я видел, что, хоть народ продолжает безмолвствовать, настроения в нем в изменились. Я не причинял этим людям зла, а мое ущемленное из-за опалы положение превращало меня из соучастника моего брата Александра в его жертву. Я видел, что, хоть я никогда не высказывал предложений о справедливом переустройстве общества, но в глазах этих людей я был такой же жертвой преследований со стороны предыдущей власти, как и их обожаемые коммунисты. Меня не отвергли, а просто пытались понять, как годы перенесенных испытаний повлияли на мой некогда вспыльчивый и неуравновешенный характер. А я хотел обнять всех этих людей и сказать, что я их всех очень люблю, а еще больше я люблю нашу Сербию, и ради нее с толком готов прожить свою вторую жизнь, чтобы искупить все то, что мне не удалось сделать в моей первой молодости.

И, самое главное, ко мне вполне благожелательно отнеслись и оба присутствующих тут коммунистических начальника. Господин Драгойло Дудич принадлежал тому же поколению, что и я, и так же, как я, являлся солдатом своей страны. В нем я увидел еще одного брата по духу. Просто один из нас родился в крестьянской, а другой – в королевской семье. Выбрав для себя

правильную идею, он готов был сражаться за нее до конца с предельным ожесточением, но, по профессии будучи врачом, руководствовался желанием не навредить. Господин Благое Нешкович был таким же, как и его товарищ, но на поколение моложе и гораздо мягче характером. И я видел, что ни тот, ни другой не является таким ярым фанатиком марксизма, который ради своих идей готов ввергнуть Сербию в настоящую гражданскую войну, как это произошло в России…

И вот господин Дудич, как бы признав неизбежное, сказал, что пора заканчивать митинг и начинать нормальные переговоры в подходящей обстановке, без посторонних глаз и ушей.

Идти до «подходящего места» было недалеко, метров триста, и через четверть часа мы все шестеро уже сидели за самым обыкновенным столом в одной из комнат двухэтажного здания на окраине города, у подножия горы. До войны тут помещалось ужицкое градоначальство, а сейчас располагается Главный народно-освободительный комитет Сербии, штаб народно-освободительных партизанских отрядов, а также центральный комитет сербских коммунистов. При этом если господин Дудич является председателем народно-освободительного комитета, то господин Нешкович руководит всеми сербскими коммунистами. Едва мы расселись за столом, как господин Громыко передал местным руководителям послание советского Верховного Главнокомандующего.

Внимательно прочитав эту бумагу, Благое Нешкович (партийные власти важнее народных) передал ее господину Дудичу и с тяжелым вздохом сказал:

– Мы понимаем, товарищи, что у вас полномочия от Коминтерна, но у нас далеко не все будут рады оказаться в составе Советского Союза, и уж тем более этой вашей Галактической Империи. Ведь эти люди считают, что наша Сербия – первое балканское государство, освободившееся от гнета турок и австрийцев – должно сыграть для балканских славян такую же роль, какую Сардинское королевство сыграло в деле объединения Италии. И ведь это поветрие действует и на многих коммунистов: они думают, что раз у нас в Сербии и Черногории самое многочисленное и решительное партизанское движение, значит, на основе Сербии возможно построить свой маленький балканский Советский Союз.

– Это не так, – неожиданно для всех сказал я, – Советский Союз – это уникальное образование, имеющее центр притяжения внутри самого себя. Русский народ

настолько велик и силен, что способен объединять вокруг себя другие народы, не делая разницы между ближайшей кровной родней и такими людьми, с которыми у русских последним общим предком был Адам. Сербы не в состоянии собрать вокруг себя разнообразные народы, потому что сами тяготеют к России как к естественной опоре. Нас слишком мало для того, чтобы создать ядро цивилизации, а окружающие нас народы, которые неумеренные патриоты желают включить в состав югославской империи, имеют по поводу своей будущей судьбы мнение, отличное от мнения сербов. Хорваты, словенцы, бошняки и македонцы – это не испорченные сербы, а самостоятельные нации. Я думаю, что, пока ничего не предрешено, лучше не начинать процессов, которые принесут нашему народу новые страдания…

Наступила тишина. Психосканер говорил, что мое выступление удивило даже господина Пекоца. Немного помолчав, я добавил:

– Дорвавшись до власти, мой брат сделал глупость, да не одну. Первую он совершил, когда в нарушение всех договоренностей забрал в состав Сербии Вардарскую бановину. Возможности установления долговременных дружеских отношений с братской страной оказались перевешены сиюминутными выгодами от раздела этой земли между сербами и греками. Царь Фердинанд, конечно, был не самым приятным человеком, но три сербо-болгарские войны – не на его совести, а на совести моего брата. Вторая глупость заключалась в том, что после прошлой Великой Войны (Первой Мировой) он втащил в состав будущей Югославии не только сербские территории, но и земли, заселенные хорватами, словенцами, бошняками, венграми и даже немецкими колонистами. А сделал это в том числе потому, что ядро сербского народа тяготеет к присоединению к России. Вы думаете, почему в Югославии оказалось такой сильное коммунистическое движение, причем большинство коммунистов составляют сербы и черногорцы? А все потому, что в России победил коммунизм, а значит, и тяготеющие к русским сербы тоже хотят стать коммунистами…

Тут пришло время ошарашенно переглядываться Драгойло Дудичу и Благое Нешковичу.

– Но это в корне неверно, товарищ Джорджи! – сказал главный сербский коммунист, – мы, коммунисты-интернационалисты, стоим выше национальных предрассудков, и рост популярности коммунистической партии говорит только о борьбе за свои права рабочего класса и крестьянства.

– В соседних странах рабочий класс и крестьянство перед войной пребывали в похожих или даже худших условиях, – веско ответил я, – но только там борьба народа за свои права почему-то вызывала рост популярности фашистских, а не коммунистических идей. И только Сербия стала исключением из этого правила.

– А как же Болгария, товарищ Джорджи? – с некоторым раздражением спросил господин Нешкович. – Болгары как народ, исходя из вашей терминологии, тоже подспудно стремятся к воссоединению с Россией, и в тоже время там правит фашистский режим…

Не успел я ответить, как заговорил господин Пекоц:

– Фашизм в Болгарии – явление исключительно верхушечное, вызванное последовательным национальным унижением, длящимся с момента образования Болгарского государства. Не может пройти даром ситуация, когда стране сначала дают ее исконные земли, а потом под давлением извне забирают обратно. И так не один раз. Обида, бывает, сводит с ума не только маленьких детей, но и целые народы. Но если копнуть болгарское общество поглубже, до самых низов, то станет понятно, что этот народ, подобно сербскому, выбирает именно советский, коммунистический путь развития. Мы это знаем, поэтому болгарский народ и здоровая часть его верхушки тоже получат от нас предложение, от которого они не откажутся.

– Да, товарищи, – подтвердил господин Громыко, – это именно так. Но Болгария – это несколько отдаленная перспектива; в первую же очередь нам следует заняться Сербией и Черногорией. Для начала на базе вашей Ужицкой республики нужно провозгласить Сербскую Советскую Социалистическую Сербию и превратить Главный народно-освободительный комитет в Народное Вече первого созыва. Соберите туда представителей от всех партизанский отрядов и подпольных комитетов. При этом, товарищ Дудич, Георгия Карагеоргиевича необходимо сделать вашим заместителем. Если он будет вместе с вами, то никакой гражданской войны у ваших противников не получится, и даже, более того, половина отрядов четников перебежит на вашу сторону…

– Хорошо, – вздохнул Благое Нешкович, – это мы сделаем. Но что же дальше?

– А дальше все по порядку, – ответил господин Громыко. – Товарищ Болдин будет помогать вам формировать из партизанских отрядов сербскую Народно-

Освободительную Красную Армию. Товарищ Пекоц вместе с лучшими вашими бойцами займется нехорошими людьми, которые не пожелают мирно принять наш план. Вопрос поставлен так остро, что не до шуток. Потом случится решение хорватского вопроса и пройдут плебисциты по национальному размежеванию на территории бывшей Югославии, после чего, опять же через плебисцит, объединенная Сербская Советская Социалистическая Республика вступит в состав Советского Союза. Как видите, цели определены, задачи поставлены, и пора браться за работу. Или нам поискать другие кандидатуры на роль основателей сербского социалистического государства?

– Нет, – сказал Драгойло Дудич, – никого искать не надо. Если вопрос о вступлении Сербии в Советский Союз будет решать сам сербский народ, то кто мы такие, чтобы препятствовать его волеизъявлению.

– Да, – сказал господин Нешкович, – вы правы. Первым делом требуется собрать Народное Вече и опираться на его решение как на фундамент. Что народ скажет, то мы и сделаем. А пока мы хотели бы получше узнать и товарища Пекоца, который свалился к нам как снег на голову, и господина Карагеоргиевича, который все время был здесь, но на последние годы выпал из сербской политической реальности. И спасибо вам за Франца Беме, товарищи. Думаю, что этого упыря открытым судом должно судить как раз Народное Вече и казнить его стоит открыто и прилюдно, чтобы все видели торжество народной справедливости.

25 сентября 1941 года, полдень. Москва, улица Воздвиженка 1/Моховая улица 16/Манежная площадь 13, здание Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ).

Когда-то, на заре существования советского проекта, считалось, что главное для мирового революционного движения – поднять на восстание европейский пролетариат, а Советская Россия – это для одних передовой отряд рабочего класса, для других – хворост для разжигания мирового пожара. Под эту задачу и был создан Коминтерн – организация жадная, никому не подконтрольная и беспринципная. В голодные послереволюционные годы и самим-то не хватало буквально всего, а Коминтерн тянул со страны Советов полновесные золотые рубли на активизацию пролетарского движения в Сиаме, на помощь бастующим английским шахтерам и германским докерам. Организация эта была всемогущая; по сравнению с Коминтерном советское государство считалось чем-

то временным и вторичным. У твердокаменных ленинцев, которые все это затевали, из Коминтерна получилось что-то вроде хвоста, который приспособился вертеть своей собакой.

Но европейский пролетариат, несмотря на все реверансы в его сторону, восставать не пожелал. Да и как он мог восстать, если каждый порядочный европейский рабочий только и мечтал о том, как он тем или иным путем накопит денег и превратится в добропорядочного буржуа. Никаких других целей у европейских пролетариев не было, и вся их классовая борьба вращалась вокруг того, как бы отжать побольше бабла у крупного капитала, чтобы самим превратиться в мелкую буржуазию. «Делитесь, гады! – орали они, маршируя под красными знаменами, – а то сделаем вам как Ленин в Октябре». Ну и капитал делился в меру возможностей, ибо после закончившейся Первой Мировой Войны на загнивающем Западе началось так называемое процветание (правда, через несколько лет закончившееся Великой Депрессией).

В связи с такой оказией в конце 1925 года состоялся XIV съезд ВКП(б), где была принята официальная доктрина «о возможности построения социализма в СССР», которая определяла автаркическое развитие экономики – уменьшение зависимости СССР от мировой экономической системы с ускорением индустриализации страны. Товарища Ленина вместе с любимой им Мировой Революцией победившие на том съезде сталинисты положили на полку истории, желающих спалить Советскую Россию в огне этой самой революции загнали под шконку, а также изрядно урезали денежные вливания в Коминтерн. Основные денежные потоки пошли в индустриализацию, что спасло СССР через пятнадцать лет, а поддержка мирового коммунистического движения производилась по остаточному принципу.

Потом грянули «роковые тридцатые»; в Германии вместо коммунистов на выборах победили нацисты, а Советский Союз, переживший судорогу репрессий, все активнее готовился к новой мировой войне – но не под флагом мировой революции, а с целью защиты Социалистического Отечества. В то горячее время в окружавших СССР странах, нигде (за исключением Китая, и так уже объятого пламенем гражданской войны) ничего в пользу коммунизма не поднималось. Гражданская война в Испании была с грохотом проиграна – в основном из-за внутренней дезорганизации республиканцев, представлявших собой нестойкий союз коммунистов, троцкистов, анархистов и баскских и каталонских сепаратистов. Кроме всего прочего, этот инцидент показал невозможность завоевания власти коммунистами в других странах мирным путем.

И вот в тот момент, когда испанская эпопея подходила к концу, Англия и Франция приняли решение о необходимости развязывания следующей мировой войны и на Мюнхенской конференции выписали Гитлеру карт-бланш для продвижения в восточном направлении. Теперь уже Коминтерн стал глубоко вторичной организацией, по возможности действующий в интересах советской разведки. С той поры как Гитлер, Муссолини, Даладье и Чемберлен поставили подписи под «Соглашением об урегулировании Судетского вопроса», до выстрелов в Глайвице[11 - Нападение на радиостанцию в Глайвице, или Глайвицкая провокация – инсценировка нападения Польши на немецкую радиостанцию в городе Глайвиц (ныне Гливице), проведённая СС 31 августа 1939 года для создания повода для нападения Германии на Польшу.] оставалось одиннадцать месяцев. Барабаны войны в Европе грохотали все громче, и все компартии мира (за исключением ВКП(б), которая готовилась к смертельной схватке) ничего не могли с этим поделать. Слишком слабы они были в европейских странах, и слишком сильное репрессивное давление оказывали на них местные государства и итало-германские оккупационные режимы.

А уж когда 22 июня 1941 года вероломным нападением гитлеровской Германии на СССР началась Великая Война Зла и Добра, деятели Коминтерна и вовсе почувствовали себя так, будто рухнуло дело всей их жизни. Ведь подавляющее число солдат в германской, венгерской и румынской армиях, напавших на Советский Союз, имели рабоче-крестьянское происхождение, но при этом даже не вспоминали о так называемой международной пролетарской солидарности. В нашей истории эта организация еще два года влачила жалкое существование, будучи эвакуированной в Уфу, после чего была распущена за ненадобностью. И этот роспуск имел не сразу очевидные, но весьма негативные и долговременные последствия для всего коммунистического движения.

Малинче Евксина, изучив суть вопроса, не рекомендовала советскому вождю делать что-нибудь подобное, ибо негативные последствия такого шага самым непосредственным образом перевесят и так уже мизерную экономию ресурсов. Пока в Москве имеется Коминтерн, все компартии мира будут равняться на страну Эс-Эс-Эс-Эр как на своего штурмана и рулевого. В противном случае вожди некоторых достаточно развитых коммунистических организаций, имеющих ощутимую поддержку своего населения, могут попробовать пойти жить своим умом – и ни к чему, кроме ненужных конфликтов внутри системы, это не приведет. И вообще, поскольку пришло время собирать камни, Коминтерн как наднациональную структуру лучше всего было бы подвести напрямую под имперскую юрисдикцию. Пусть эта организация борется за счастливое будущее объединенного человечества не как попало, а под руководством опытного

специалиста – то есть самого товарища Сталина, которого на строго научной основе социоинжинерии будет консультировать она, Малинче Евксина.

Вождь подумал и согласился. Или Коминтерн станет имперской структурой, начав работать на общую цель, или его надо трансформировать с передачей полномочий (правда, пока неясно, во что). Возможно, даже в имперский департамент социоинженерии или наркомат государственного строительства. Но в любом случае он, Сталин, категорически против такого положения дел, при котором, к примеру, товарищ Мао или товарищ Тито начнут выкобениваться кто во что горазд, вступая при этом с Москвой в прямые идеологические и политические конфликты. Но сначала с этой публикой следует поговорить на их родном языке и на их же территории. Поэтому Сталин недолго думая позвонил Власику и приказал через пятнадцать минут подать к главному входу дачи закрепленный за ним «Паккард», после чего пригласил товарища Малинче ассистировать ему в этой поездке. Ведь, как известно, любая инициатива бывает наказуема ее исполнением.

За время пребывания в гостях у советского вождя Малинче Евксина еще ни разу не покидала огражденной забором территории дачи в Кунцево, лишь иногда краткосрочно посещая «Полярный Лис» по тем или иным надобностям. Мир за забором казался ей диким, неуютным и очень опасным; чтобы ходить по его поверхности, существуют егеря Вуйкозара Пекоца и штурмпехотинки Иваны Эри. С некоторой опаской за пределы охраняемого периметра могут выходить тактики и пилоты темных эйджел, – но не она, нет, это исключено. Однако с товарищем Сталиным не спорят, поэтому Малинче Евксина безропотно переоделась в соответствии с местной модой и погодой и к назначенному времени была готова. С другой стороны, ей было интересно глянуть на этот мир собственными глазами. Начиналась «осень» – и это явление не было известно ни на Новороссии, где она училась в университете, ни на ее родной Латине. При терраформировании планет, предназначенных для собственного обитания, эйджел выпрямляли их ось вращения, что делало невозможными проявления годовой сезонности. Поэтому Малинче с любопытством смотрела через толстое пуленепробиваемое стекло на мелькающие пейзажи.

Осень сорок первого года выдалась сухая и солнечная; высокое прозрачное небо отливало нежно голубизной и, в отличие от нашего прошлого, в нем не реяли аэростаты воздушного заграждения и не вспухали клубки разрывов зенитного заградительного огня. Можайское шоссе сменилось Большой Дорогомиловской улицей (Кутузовский проспект и Новый Арбат еще не проложены), потом за

стеклом промелькнула Москва-река и потянулись дома разной степени старинности, стоящие вдоль узкой Арбатской улицы. Где особняк восемнадцатого века, а где и образчик конструктивизма двадцатых годов. Потом кортеж проехал по Арбатской площади, свернул на Воздвиженку – и вот оно, серое четырехэтажное здание Секретариата ИККИ, позади которого в небо вздымаются известные всему миру кремлевские башни с красными звездами. Приехали, товарищ Малинче, пора выгружаться.

Составляющие руководящую верхушку Коминтерна два десятка человек во главе с Генеральным секретарем Георгием Димитровым уже собрались и напряженно ожидали советского вождя. И это напряжение было неспроста: носились в последнее время в воздухе некие веяния, угрожавшие, казалось, самому существованию этих людей. Советское руководство вступило в негласный, а потом и очевидный союз и некой «Галактической империей» – и это роковое слово угнетало сознание товарищей коминтерновцев и навевало тревогу за будущее. Самих пришельцев-имперцев никто из присутствующих в этой комнате еще не видел: те либо рука об руку с бойцами РККА сражались на фронте, либо в весьма ограниченных количествах присутствовали на даче вождя в Кунцево. Однако, подобно кругам от падающих в воду камней, по советскому обществу расходились пересказы свидетельств очевидцев, которые там были, видели чужаков своими глазами, и даже здоровались с ними за руку. И эта информация ничего не проясняла, а, наоборот, вызывала новые вопросы.

Потом случилась какая-то странная победа над Германией, будто двум драчливым детям надоело враждовать, и они решили помириться. Не было ожидаемого многими победоносного похода на Запад, когда истощенный вермахт отступал бы, огрызаясь изо всех своих сил, а набравшая силы Красная Армия догоняла бы его и била смертным боем. Вместо того в самый напряженный момент психологического излома в Германском обществе (когда война на востоке, грозящая вылиться в очередной Верден, стала вдруг непопулярна, а имя Гитлера начали произносить шепотом), случился набег имперского ОСНАЗа на ставку германского фюрера Вольфшанце, после чего Третий Рейх в своем прежнем виде попросту прекратил существовать.

Пожертвовав одним человеком и его ближайшими идейными сподвижниками, Германия отделалась легким испугом, при этом ей даже не грозит никакой советизации. Теперь она – часть Галактической Империи, на ее территории действуют имперские законы и порядки, и после небольшого периода очищения и покаяния (что-то вроде христианского великого поста) немецкий народ снова

предастся своим любимым «трем К»: «Кайзер, криг, каноне». Даже с оккупированных европейских территорий немцы уходят строго по плану, под опись передавая дела подходящим с востока частям Красной Армии. И в этом опять видна рука Империи, склонной к орднунгу даже еще более Германского Рейха. А как же мечты о свободе, о всеобщем равенстве и братстве, наконец, о Мировой Республике Советов?

Но больше всего собравшихся смутила речь Сталина в Большом Кремлевском Дворце. Все коминтерновские секретари (как люди не последние), и прочие начальники получили пригласительные билеты на это мероприятие, прошли регистрацию и идентификацию (а также были психосканированы вдоль и поперек), и слушали слова советского Вождя с полным эффектом присутствия. Если верить этой речи (а не верить – себе дороже), то получалось, что Советский Союз в ближайшее время тоже ждут изменения в имперском стиле с целью «улучшения управления». У этих людей возникло явственное ощущение, что не только Советский Союз, но и весь мир дрейфует в неизвестном направлении, и от этого движения у них кружится голова, тошнит, но сойти с аттракциона невозможно.

И вот по прошествии трех дней советский Вождь вспомнил об их существовании, сообщив о своем личном визите. Мысли по этому поводу возникли самые мрачные: три месяца Верховный, казалось, и не вспоминал о существовании такой организации как Исполнительный комитет Коммунистического интернационала – и вдруг личный визит… Поговаривали, что речь пойдет о роспуске Коммунистического Интернационала – как организации, не оправдавшей возложенных на нее надежд. Никогда и нигде никакая пропаганда и агитация не сумеют привести коммунистов к власти мирным путем, а если и приведут (в компании с не самыми благовидными попутчиками), то это правительство будет свергнуто путем военного переворота как в Испании. О том же, чтобы повторить историю Великой Октябрьской Социалистической Революции, не может быть и речи, потому что для этого должны сложиться уникальные условия. Вон, в Китае тамошние коммунисты уже двадцать лет ведут затяжную гражданскую войну с националистами из гоминдана с японскими интервентами – и конца-края этой бойне не видно. Но это Китай, с его почти неисчерпаемыми людскими ресурсами, любая другая страна за время столь продолжительной гражданской войны была бы попросту уничтожена. Конечно, советская власть может прийти в Европу и другие страны (тот же Китай) на штыках победоносной Красной Армии, но в таком случае роль местных компартий (и Коминтерна в целом) окажется сведена к минимуму[12 - Интересная закономерность: в тех странах, где местные коммунисты победили,

опираясь в основном на собственные силы (Китай, Югославия, Албания), местные вожди после роспуска Коминтерна и завершения Второй Мировой Войны рано или поздно рассорились с Москвой и пошли своим путем. Сначала взбрыкнул Тито, видевший себя маленьким балканским Сталиным, а потом, после смерти Вождя, против волюнтаризма Хрущева восстали Мао и Энвер Ходжа. Напротив, там, куда социалистический строй был принесен на штыках Красной Армии, местные компартии оказались в зависимости от подковерных извивов московской политики, и Хрущеву без особых проблем удалось поснимать с постов последователей Сталина.].

И вот входит Он – кумир миллионов и самый ненавидимый человек для владельцев заводов, газет, пароходов. Рыжеватые усы, хитрый прищур желтых тигриных глаз… Френч-сталинка защитного цвета, на котором прикреплены два ордена Красного Знамени, орден Ленина и медаль Героя Соцтруда (вполне заслуженная), и поверх всего – фуражка такого же защитного цвета с красной звездочкой. И рядом с ним – девица (вот уж чего никогда не бывало!): сама худая и рост как у каланчи, в дверь прошла пригнувшись, голова большая и немного вытянутая, уши заострены, лицо острое как нож, а на белом платье строгого покроя табличка с именем, написанным кириллическими буквами, и какие-то дополнительные нашивки.

– Здравствуйте, товарищи, – вежливо сказал вождь, глядя прямо в напряженно ожидающие глаза, – позвольте представить вам нашего главного советника по государственному устройству товарища старшего социоинженера Малинче Евксину.

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – один за всех ответил Георгий Димитров, – как я понимаю, вы пришли объявить о роспуске нашей организации…

– Совсем нет, товарищ Димитров, – ответил вождь, внимательно глянув на своего собеседника, – и вообще, с чего вы взяли, что мы хотим распустить Коминтерн? Вроде мы не давали вам оснований для таких подозрений…

Димитров, кивнув в сторону Малинче Евксины, сказал:

– Мы думаем, что вступление Советского Союза в самый тесный альянс с вашими новыми друзьями из некоей Галактической империи делает невозможным дальнейшее существование вашей всесоюзной коммунистической партии

большевиков, а значит, и ставит под вопрос и само существование Коминтерна как организации. Без поддержки Советского Союза, как первой страны, реализовавшей коммунистический проект, мы окажемся бессильны и будем вынуждены самораспуститься.

– Вы, товарищ Димитров, невнимательно слушали мою речь и потому глубоко ошибаетесь, – веско сказал Сталин. – Ни о каком уничтожении партии большевиков речи не идет, напротив, товарищ Малинче сказала нам, что партия большевиков – наша главная ценность и ударная сила, надо лишь очистить ее от налипшей дряни. Тем более не может быть и речи о роспуске Коминтерна, ведь в таком случае мы утратим влияние на остальные коммунистические партии мира…

– Скажите, товарищ Сталин, а что вы называете налипшей на партию дрянью? – с сильным акцентом произнес венгерский коммунист Эрнё Герё.

– Хороший вопрос, товарищ Герё, – хмыкнул вождь. – А теперь поймите такую простую истину. Пока коммунистическая партия находится в подполье, пока за ней охотится полиция, пока она только борется за власть, в нее вступают только те люди, которые разделяют идеалы коммунизма и готовы отдать за них жизнь. Но стоит революции победить и начать строить социализм, как к коммунистам начинают примазываться разные юркие личности, кичащиеся своим пролетарским происхождением или назубок выучившие марксистко-ленинскую фразеологию. По сути, это проходимцы, не верящие ни в какие идеи, а лишь преследующие свои корыстные интересы. Их цель – оседлать нашу партию, расставить повсюду своих людей и превратиться таким образом в класс новых эксплуататоров. А нам такого не надо.

– Хорошо, товарищ Сталин, – сказал член секретариата от итальянской компартии Пальмиро Тольятти, – допустим, что все это так, и, говоря об улучшении управления советским государством, вы имели в виду укрепление партии и усиление ее роли. Возможно, вы правы и в том, что победившая партия будет испытывать наплыв разного рода авантюристов, преследующих только личные интересы. Ваша партия в этом смысле пока первая и единственная, которая могла подвергнуться этому процессу. Но я, то есть мы, хотели бы знать – существует ли в Империи, состоящей, как мы знаем, из множества народов, хотя бы одна коммунистическая партия, отстаивающая интересы трудящихся перед лицом эксплуататоров?

– А зачем Империи коммунистическая партия, да еще и не одна? – удивилась Малинче Евксина. – Основатель нашего государства император Владимир Шевцов не брал штурмом свой Зимний дворец и не свергал власть буржуев-эксплуататоров – стало быть, и такой инструмент, как партия самого нового типа, ему была не нужна. И в то же время, обладая обостренным чувством справедливости, обязательным для любого хорошего императора, он понимал необходимость устройства государства по социалистическому образцу. Как вам (неразумным) уже один раз уже сказал товарищ Сталин, в Империи не делят людей по расам, классам и религиям, а также, вне зависимости от происхождения, обеспечивают всех и каждого бесплатным медицинским обеспечением и средним образованием. А еще в Империи твердо установлен баланс прав и обязанностей. Каждый гражданин обязан трудиться на общество в силу своих способностей, а общество должно вознаграждать его в соответствии с заслугами. И – последний, но, может быть, наиболее важный имперский постулат: власть на всех уровнях должна действовать в интересах всего народа, а не отдельных групп населения. Вот вам и социализм, пусть даже и без наличия коммунистической партии. Ну чего тут непонятного?

Георгий Димитров терпеливо признес:

– Нам непонятно, товарищ Малинче, как ваше общество могло оставаться стабильным длительное время и не скатиться при этом в капитализм? Допустим, ваш первый император был такой хороший человек, что устроил все самым справедливым способом и железной рукой карал эксплуататоров за непослушание. Такое не исключено. Но мы не понимаем, как это справедливое устройство государства, не имеющего руководящего и направляющего влияния компартии, продолжило существовать после его смерти. Наследники вашего императора-основателя непременно должны были свернуть на накатанный путь и ликвидировать все дарованные народу привилегии и послабления. Не так ли, товарищи?

– Да, именно так, – один за всех сказал Пальмиро Тольятти, – как раз это мы, товарищ Малинче, и хотеть знать. А то получается какая-то красивая сказка.

Малинче Евксина, едва заметно вздохнув, мрачным тоном произнесла:

– С момента основания и до того мига, когда мы ее покинули, Империя вела изнурительную затяжную войну. Враг был не очень хорошо организован и не имел над Империей технического преимущества (скорее, наоборот), но он

многократно превосходил Империю в численности населения и по возможностям промышленного производства. Чтобы победить в этой войне, или хотя бы не проиграть (с возможностью окончательной победы в отдаленной перспективе), Империи было необходимо иметь максимально эффективное общество – а это только вертикально интегрированный или имперский социализм. Это во-первых. Во-вторых – помимо социалистической основы общества, Империи потребовалось, чтобы каждый человек находился, как у вас говорят, «на своем месте». Наша наука умеет раскрывать способности и пределы возможностей того или иного индивида – но не путем проб и ошибок, а через процедуру, называемую профориентацией. И здесь не может быть исключений. Каждый общественный или государственный пост занимает именно тот, кто может и хочет выполнять эти обязанности наилучшим образом. Даже наследуют предыдущему императору не его ближайшие родственники, а специально отобранные люди, в полном объеме обладающие особыми императорскими способностями. В-третьих – окончательной «тонкой» настройкой сложносочиненного многонационального, многорасового и многоукладного имперского общества занимаются мои коллеги социоинжинеры. Именно мы следим за тем, чтобы в обществе соблюдалась справедливость и народ чувствовал себя счастливым, в случае необходимости выдавая рекомендации исполнительным властям.

– Простите, товарищ Малинче… – будто проснувшись, сказал представитель ВКП(б) в Коминтерне товарищ Мануильский, – вы сказали, что ваша империя вела войну и что вы ее покинули. Не значит ли это, что вы в этой войне потерпели поражение?

– Не значит, Дмитрий Захарович, – ответила та, – война шла вполне успешно, и Империя медленно, но неумолимо побеждала, расширяя свой периметр безопасности. Дело в другом. Мы покинули нашу империю, когда наш корабль пропал без вести во время боевого задания, подорвавшись на гравитонной торпеде в момент ухода в межзвездный прыжок. Чтобы объяснить все и до конца, вместо меня тут должны стоять главный навигатор Ванесса Олина и главный инженер нашего крейсера Ауле Ра, а вместо вас – как минимум товарищи Капица и Ландау вкупе с господином Энштейном. Поэтому я буду кратка… В результате помех, вызвавших нештатное срабатывание навигационной аппаратуры, наш корабль покинул свой временной слой-реальность и переместился к вам, в мир, по временной шкале отстоящий от нашего на двести девяносто лет назад. Здесь и сейчас Империя – это наш экипаж, а также присоединившиеся к нам государства Эс-Эс-Эс-Эр, Германия, Япония и Североамериканские Соединенные Штаты. А товарищ Сталин, стоящий

рядом со мной, является не только Верховным Главнокомандующим страны Эс-Эс-Эс-Эр, но и лицом, исполняющим императорские обязанности при регентстве нашего командира капитана первого ранга Малинина, первоначально носившего титул местоблюстителя. Окончательно регалии власти будут вручены товарищу Сталину после того, как на планете Земля завершится интеграция основных государств, а сам будущий император Иосиф Первый пройдет процедуру стабилизации старения, которая вернет ему тридцать-сорок лет жизни. Но плохое заключается в том, что цивилизация кланов эйджел, с которыми Империя воевала за существование в нашем мире, тут тоже никуда не делась, и теперь вести с ней войну не на жизнь, а на смерть придется уже нам с вами. Это нашей Советской Галактической империи придется сражаться с численно превосходящим врагом, и в этой борьбе нам потребуется каждый гран эффективности, каждый обученный в университетах специалист, каждый боец за справедливость, сколько вас там есть.

– Да, все верно, товарищи, – в гробовой тишине подтвердил Сталин, – мировая революция, о которой так много говорили большевики, вот-вот окончательно свершится, но это повод не для ликования, а для того, чтобы как следует, закатав рукава, взяться за работу. А работы, как правильно сказала товарищ Малинче, хватит всем. Сразу скажу – не подлежит обсуждению, что все государства планеты Земля так или иначе должны пройти советизацию и социализацию, после чего объединиться в единое наднациональное государство. Для этого нам потребуется каждый коммунист, искренне верящий в то, за что он сражается, каждый борец за права униженных и оскорбленных, каждый солдат, командир и инженер. В ближайшее время нам предстоит не только установить всемирную коммунистическую власть, но и за несколько десятилетий пройти путь, на который в обычных условиях потребовалось бы тысяча лет – а иначе нас сожрут. Поэтому не может быть и речи о роспуске коммунистических партий и Коминтерна – такого подарка нашим внутренним и внешним врагам мы делать не собираемся. Мы, знаете ли, все это время тоже не сидели сложа руки и, пока товарищ Малинче изучала Советский Союз, прикидывая, как наилучшим способом превратить его в Империю, мы в свою очередь изучали имперское общество – и пришли к выводу, что оно устроено таким образом, будто каждый его гражданин является настоящим коммунистом, бойцом за дело Ленина-Сталина. А если серьезно, то даже мы не замахивались на создание такого общества, где две трети или даже три четверти взрослого населения будут достойны того, чтобы стать членами всесоюзной коммунистической партии большевиков. В Империи партия и государство – это даже не близнецы-братья, а вообще одна и та же структура. А нам, товарищи, в первую очередь необходимо перенимать этот опыт. В Советском Союзе

пораньше, в других странах попозже – как говорится, по готовности, как только там закончится переходной период.

– А что конкретно будет с Коминтерном? – спросил Димитров, – чем, по-вашему, должен заниматься я и другие наши товарищи?

– Коминтерн вместе со своим генеральным секретарем товарищем Димитровым переходит в имперское подчинение на правах наркомата государственного строительства, – ответил Сталин. – Тех, у кого еще остались вопросы, я попрошу обращаться к товарищу Берии, он все разъяснит.

– Нет, товарищ Сталин, – твердо сказал Димитров, – нам все понятно и дополнительно объяснять ничего не надо.

В ответ Верховный подумал и добавил:

– Кстати, о других государствах. Товарищи Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт, вам необходимо как можно скорее получить мандаты имперского образца и выехать в Берлин. Диктатуру генерала Гальлера, наполненную тевтонским орднунгом, пришло время разбавить вашей пролетарской сознательностью и верностью делу построения социализма. Вы будете при генеральской хунте кем-то вроде имперских комиссаров, в обязанности которых входит следить за тем, чтобы процесс денацификации проходил правильно и в полном объеме. Надеюсь, задача вам понятна?

– Да, товарищ Сталин, понятна, – ответил Вальтер Ульбрихт за себя и своего напарника.

– Ну и замечательно, – сказал Сталин и добавил: – а вот товарищу Винченцо Бианко потребуется отбыть совсем в другую сторону. Итальянский диктатор Муссолини получил от нас предложение или почетно капитулировать, или подвергнуться тотальному уничтожению. О том, как это случилось с Гитлером, до него довели, и он уже дал предварительное согласие на почетную капитуляцию. Вы, товарищ Бианко, будете представлять товарища Тольятти на переговорах о создании переходного коалиционного правительства народного единства. При этом ни в коем случае нельзя допускать никаких эксцессов, погромов и повешений – в общем, всего того карнавала, на который так горазда буйная итальянская душа. Власть в Италии должны перейти из одних рук в

другие так тихо и мирно, чтобы никто и ничего не понял. К тому же почетная капитуляция представителей угнетающих классов – это не обман и не военная хитрость, а действительный способ избежать ненужного кровопролития. Если вы не удержите в руках свою партизанскую вольницу, то в дальнейшем будет бесполезно уговаривать на почетную сдачу, к примеру, господ Франко и Салазара. Вы меня поняли, товарищ Бианко?

– Да, товарищ Сталин, – ответил итальянский коммунист, – и очень рад, что именно мне доверена честь поставить на место эту напыщенную гориллу. Пусть живет и видит, как процветает коммунистическая Италия…

– Но только не зарывайтесь, – строго сказал Сталин, – из оккупированных ею европейских стран итальянская армия должна уйти, но война с англичанами должна продолжаться до победного конца. Британская империя – это единственное крупное государство, которое не дало пока согласия на то, чтобы начать интеграционные процессы, и нам предстоит показать всему миру, что бывает с теми, кто не хочет договариваться по-хорошему. Надеюсь, товарищ Бианко, вы меня поняли?

– Да, товарищ Сталин, – склонил тот голову, – я вас понял и сделаю все в лучшем виде.

Вождь обвел присутствующих взглядом и хмыкнул в усы.

– На этом пока, пожалуй, все… – сказал он. – Остальным товарищам пребывать в полной готовности, потому что в ближайшее время они получат аналогичные задания. В ближайшее время мы окончательно разберемся с такими диктаторами и палачами своих народов как Тисо, Хорти, Антонеску, а также с господами болгарскими генералами, решившими, что им будет выгоднее двигаться в фарватере германской политики. Кому-то из них мы в скором времени сделаем предложение: или капитуляция, или полное уничтожение; а кого-то прибьем безо всяких сантиментов, потому что, подобно Гитлеру, они натворили столько, что разговаривать с ними пристало исключительно следователям международного коммунистического трибунала.

– Товарищ Сталин, – сказала Малинче Евксина, – вам не кажется, что товарища Димитрова следует командировать к нам на «Полярный Лис»? Ему еще придется работать с имперскими структурами, поэтому сейчас для этого незаурядного

человека будет полезно провести наблюдения за нашей командой, узнать, кто такие эйджел, горхи, сибхи и их гибриды, а также собственными глазами увидеть, как проходит инверсия дикого темного клана, и понять, чем дикие эйджел отличаются от цивилизованных имперских.

– Пожалуй, вы правы, товарищ Малинче, – сказал вождь, – для товарища Димитрова это будет неплохой жизненный опыт, который пригодится ему в дальнейшем… Так что, товарищ Димитров, собирайтесь, вы едете с нами.

Часть 14

28 сентября 1941 года, полдень мск. Околоземная орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Когда «Полярный Лис», наконец, соизволил отправиться охотиться за «Корсаром», тот находился где-то между орбитой Юпитера и поясом астероидов, разумеется, вне плоскости планетных орбит. До Земли, судя по динамике движения, ему оставалось лететь еще месяца полтора, и каперанг Малинин решил, что «клиента» пора брать. Всего «Полярный Лис» в окрестностях Земли будет отсутствовать чуть больше месяца, в основном из-за необходимости на обратном пути плестись в соответствии с динамикой полета, доступной «Корсару», поэтому некоторое время ушло на улаживание разных недоделанных наземных дел.

Сам каперанг Малинин принял новоиспеченных имперских комиссаров по Германии Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта (мысленно посетовав на то, что надо готовить новые кадры), в короткой беседе очертил перед этими двумя деятелями германской компартии края политического бассейна и отправил их вниз к диктатору Гальдеру. Также власти имперского протектората Германия (тот же Гальдер) были предупреждены, что в случае массированных налетов британской авиации на немецкие города следует вызывать «белых демонов». Да они и сами прилетят со своих подмосковных аэродромов, получив оповещение от разведывательной сети. Еще не хватало, чтобы какие-то англосаксы бомбили имперские города… В качестве ответной меры предусматривался удар «Белыми Лебедями» по такому безусловно военному объекту как военно-морская база Скапа-Флоу.

Что касается Ватилы Бе, то она оставила вместо себя тактика-лейтенанта Илину Ке, наказав той присматривать как за обстановкой на планете, так и за товарищем Верховным Главнокомандующим. Красная Армия продолжала продвигаться, обходя Венгрию и Словакию по широкой дуге. Рокоссовский не хотел понапрасну класть бойцов на перевалах в Карпатах и Татрах, а вместо того намеревался проникнуть в мягкое словацко-венгерское подбрюшье через Протекторат Чехии и Моравии, который немцы, в соответствии с Соглашением о Присоединении, сдают ему без боя. А вот после того как танки Катукова окажутся в шестидесяти километрах от Братиславы, к господину Тисо могут прийти его же собственные военные и банально отвернуть словацкому диктатору голову. Никто из них не горит желанием умирать только за то, чтобы на день-два продлить существование правящего режима. Только инверсия и превращение в имперский протекторат по образцу Германии способны уберечь Словакию от ужасающего вторжения диких коммунистических орд.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В нашей истории после капитуляции Италии в 1943 году значительная часть итальянской оккупационной армии в Югославии вместе с офицерами и генералами перешла на сторону югославских партизан и воевала в их рядах до конца войны. Эта чисто формальная лояльность итальянской армии режиму Муссолини выявилась по результатам глобального психосканирования, и потому советский вождь и имперское командование не торопились объявлять Италии войну до последнего солдата.

2

Максимальная вместимость зала заседаний составляет 2500 кресел, больше народу сможет поместиться только если они будут стоять в проходах. Такая вместимость объединенного Андреевского и Александровского залов была определена при реконструкции Большого Кремлевского Дворца в 1933-34 годах, именно исходя из задачи одновременно вместить в себя всю советскую элиту, до уровня областей включительно. Если бы была задача охватить районы, то тут потребовался бы уже крытый стадион.

3

За основу этой вымышленной речи с подгонкой под контекст были взяты речи Сталина от 9 мая 1945 года и 9 февраля 1946 года.

4

В своих мемуарах белоэмигрант Роман Гуль приводил свидетельства бывшего большевика Александра Нагловского:

«Не будет преувеличением сказать, что и в 1917 году в массах Троцкий был известнее и популярнее Ленина. Но то, что было незаметно для зрителя извне, было очевидно всякому более-менее крупному партийцу: как только Троцкий уходил вглубь большевистской партии, он неизменно в её теле оказывался «чужероден». С 1917 года по 1920 мне часто приходилось встречаться и с Троцким и с его противниками и могу засвидетельствовать, что крайняя неприязненность к нему Зиновьева, Крестинского, Сталина, Стучки, Дзержинского, Стасовой, Крыленко и многих других проверенных ленинцев существовала всегда и редко чем-нибудь прикрывалась. Все эти люди только «терпели» Троцкого потому, что он был нужен большевистской революции, и потому, что Ильич заключил с ним некое «джентльменское соглашение»… Рука

Ленина, поддерживающая Троцкого под спину, всегда была ощутима, и без этой руки падение Троцкого могло быть ежедневным…»

5

А еще граф Чиано был противником сближения Италии с гитлеровской Германией и всяческих военных авантюр. Он считал, что если уж выбирать союзников, то среди тех стран, с которыми Италия сражалась в прошлой мировой войне в одном строю. Но даже эта оппозиционная точка зрения не помешала Муссолини назначить своего зятя министром иностранных дел. Вот что значит настоящие родственные чувства.

6

Женой последнего короля Италии Виктора-Эммануила Третьего являлась черногорская принцесса Елена Петровна, дочь короля Петра Негоша, стопроцентная славянка без малейших признаков европейских кровей. И хоть славяне не входили в число наций, ущемленных итальянскими расовыми законами, но по их поводу Муссолини неоднократно высказывался в самом грязном ключе.

7

Закон Ачербо – итальянский избирательный закон 18 ноября 1923 года, предложенный бароном Джакомо Ачербо и проведенный через итальянский парламент.

Согласно Закону Ачербо, партия, получившая первое место на выборах и не менее 25 % действительных голосов, получала 66 % мест в парламенте. Оставшиеся мандаты распределялись между остальными партиями согласно

пропорциональной системе. На практике закон закрепил установившуюся власть фашистской партии. На выборах 1924 года, проведённых соответственно новому закону, Бенито Муссолини получил лояльный парламент, что способствовало установлению его диктатуры.

Итальянская социалистическая партия не признала принятие закона и не участвовала в правительстве, что дало Муссолини еще большую свободу действий. Оппозиционные депутаты сформировали так называемый Авентинский блок и отказались участвовать в работе парламента, чем сделали его однородно фашистским. Позже несколько руководителей социалистической партии были убиты фашистскими агентами.

8

С Ватилой Бе Георгий Карагеоргиевич на этот раз не встречался и потому относит все события на советско-германском фронте на счет каперанга Малинина.

9

Применение продвинутых форм подачи информации вроде анимированных голограмм было нежелательно, ибо в таком случае у экс-принца слишком много нервной энергии ушло бы не на восприятие информации, а на адаптацию к способу ее подачи.

10

Именно по этой причине вожди стран-лимитрофов, население которых тяготеет или тяготело к России, ради сохранения своей власти иррационально ищут поддержки у прозападно ориентированных кругов. А то, в самом деле, случится

в Белоруссии референдум на манер крымского – и г-н Лукашенко вдруг обнаружит, что он бывший президент, отныне просто безработный.

11

Нападение на радиостанцию в Глайвице, или Глайвицкая провокация – инсценировка нападения Польши на немецкую радиостанцию в городе Глайвиц (ныне Гливице), проведённая СС 31 августа 1939 года для создания повода для нападения Германии на Польшу.

12

Интересная закономерность: в тех странах, где местные коммунисты победили, опираясь в основном на собственные силы (Китай, Югославия, Албания), местные вожди после роспуска Коминтерна и завершения Второй Мировой Войны рано или поздно рассорились с Москвой и пошли своим путем. Сначала взбрыкнул Тито, видевший себя маленьким балканским Сталиным, а потом, после смерти Вождя, против волюнтаризма Хрущева восстали Мао и Энвер Ходжа. Напротив, там, куда социалистический строй был принесен на штыках Красной Армии, местные компартии оказались в зависимости от подковерных извивов московской политики, и Хрущеву без особых проблем удалось поснимать с постов последователей Сталина.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylovskiy_yuliya/geroy-imperii-voyna-za-evropu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити